

И. В. Лукоянов

П. А. СТОЛЫПИН: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В 2012 г. исполнилось 150 лет со дня рождения П. А. Столыпина. Дата не круглая, чтобы вызвать к жизни поток юбилейных публикаций, выставок, конференций. Тем более что 100-летие со дня рождения П. А. Столыпина никак не было замечено в СССР, где покойный государственный деятель представлялся в печати как злейший враг революции. За границей же вышло лишь несколько печатных работ из среды эмиграции первой волны, к тому времени уже сильно передавшей*. Сейчас состоялась как бы компенсация за тот пропущенный юбилей. Понятно, что в современной историографии исчезли те идеологические установки, диктовавшие несколько десятилетий назад взгляд на П. А. Столыпина в отечественной литературе. Появились и обширные документальные публикации, где большую роль играет московский «Фонд изучения наследия П. А. Столыпина». Однако его образ стал заложником другой парадигмы — поиска национального героя. Глава правительства, чье имя было связано с грандиозной аграрной реформой, павший от руки террориста, как нельзя более подходил на эту роль. Поэтому за последние годы о П. А. Столыпине писали преимущественно в восторженных тонах. «Изучать» его биографию и деятельность бросились многие: и журналисты, и просто любители истории, среди которых оказался даже бывший министр финансов Б. Г. Федоров. Конечно, в этих работах можно найти все: и меткие оценки, и наивные ошибки, и мелкие неточности. Несомненно одно: П. А. Столыпин предстает сегодня в сочинениях подавляющего числа авторов несомненным национальным героем, чуть ли не единственной надежной опорой российской государственности начала XX в.

* Кроме нескольких статей вышла лишь одна книга: *Маевский В.А. Борец за благо России (к столетию со дня рождения)*. Мадрид, 1962.

Разумеется, большое лучше видится на расстоянии. Но надо признать, что современники относились к личности премьера без лишнего пафоса и часто — весьма скептически. Его деятельность вызывала обильную критику, разумеется, часто политически ангажированную, но не всегда голословную или несправедливую. Политическая принадлежность автора тогда определяла и отношение к премьеру и его деятельности: резко негативное — у левых, весьма критическое — у кадетов, положительное — у октябристов, восторженное — у националистов, наконец, опять критическое — у правых (что еще раз подтверждает известное правило: крайности сходятся). Эта палитра мнений в последние годы практически не оказывалась в центре внимания тех, кто писал о П. А. Столыпине. Между тем обращение к современной П. А. Столыпину публицистике небесполезно. Она позволяет увидеть не только отношение тогдашнего образованного общества к главе правительства, но и нащупать многие тенденции, которые впоследствии закрепились и развились в исторической литературе. Пикантным, например, выглядит полное совпадение некоторых оценок деятельности П. А. Столыпина у кадета А. С. Изгоеva и В. И. Ленина: в известные годы за такой факт сочинения лидера большевиков следовало бы поместить как минимум в спецхран.

Из весьма значительного числа публикаций, касающихся П. А. Столыпина, которые вышли в свет либо при его жизни, либо сразу после его кончины, выбраны некоторые, наиболее ярко, как представляется, демонстрирующие тот или другой вариант отношения к государственному деятелю. Исключение сделано лишь для мемуаров и для работы К. А. Кривошеина о своем отце А. В. Кривошеине, главе земледелия и землеустройства при П. А. Столыпине, отчасти выполненной по семейным рассказам, которая, несомненно, повлияла на позднюю советскую историографию. Тексты публикуются по большей части в отрывках. Конечно, бросаются в глаза частые повторения одних и тех же фактов из жизни премьера. Они сохранены намеренно, чтобы читатель сам мог оценить аргументы различных авторов и степень их убедительности в оценке деятельности П. А. Столыпина. Следует также помнить, что не все аргументы современников выдержали проверку временем. Так, исследовательские приемы и статистические данные, касающиеся столыпинской аграрной реформы, использованные в статьях, сегодня уже не имеют научной значимости для большинства специалистов.

Публикуемые тексты воспроизводятся по правилам современной орфографии. Сокращения слов развернуты без специальных помет. Написание фамилий унифицировано, за основу брался наиболее точный вариант. Ссылки на литературу, где возможно, приближены к современным стандартам.

Род Столыпиных в истории России

Столыпины — старый российский дворянский род, он занесен в VI часть дворянской книги Пензенской губернии (VI часть — это столбовое дворянство). На гербе «в щите, имеющем в верхней половине красное поле, а в нижней — голубое, изображен одноглавый серебряный орел, держащий в правой лапе свившегося змея, а в левой — серебряную подкову, с золотым крестом. Щит держат два единорога. Под щитом девиз: «DEO SPES MEA» (Бог — надежда наша (*лат.*))). Первые достоверные сведения о роде Столыпиных относятся к концу XVI в., когда в документах появляется Григорий Столыпин. Дальнейшая генеалогия предков П. А. Столыпина расписана в публикуемых статьях (из «Исторического вестника»). Она удивляет обширнейшими родственными связями с большим количеством известных и знатных фамилий России (Шереметевы, Толстые, Горчаковы, Мещерские и др.), а также со знаменитыми людьми (например, с М. Ю. Лермонтовым, отдаленно — с Л. Н. Толстым, А. М. Горчаковым).

Старшая дочь П. А. Столыпина — М. П. Бок оставила краткую историю рода Столыпиных с весьма древних времен, которая отразила, по-видимому, семейные предания. Она носит откровенно легендарный характер, но отдельные детали ее представляют интерес. Согласно ей, род Столыпиных происходил из порусов — одного из северо-западных славянских племен, живших на территории будущей Восточной Пруссии. Якобы его родоначальником стал сын порусского племенного вождя Стерляги. Дальнейшие сведения сразу перебрасывают нас в XIII в., когда в 1242 г. в войске князя Александра Невского оказывается и небольшая дружина одного из Столыпиных. В 1282 г. владения Столыпиных (замок Толыпы на реке Прегель) были завоеваны Тевтонским орденом, хозяевам пришлось бежать на восток и поступить на службу к литовским князьям. Получив землю, они основали поселение «С Толыпы» — отсюда выводится и фамилия Столыпиных («то лып» представляется в тексте как «это липы»; на самом деле толып — слово не славянское, а татарское, это тулуп). Далее читатель опять переносится — в начало XV в., где Столыпины оказались среди участников Грюнвальдской битвы 1410 г., — и опять в рядах победителей немцев*. Затем наступает уже более или менее достоверная часть истории рода, когда Григорий Столыпин переходит на службу московскому царю. Несомненно, что эта легенда состоит как минимум из трех частей. Первая — о порусах — чисто мифологи-

* Museum of Russian Culture, San Francisco. M. P. (Mariia Petrovna) Bok Papers. Box 2. Folder 2. Микрофильм коллекции хранится в ГАРФ (Ф. 10143. Оп. 10).

ческая, проверке не поддается. Вторая,— вероятно, отразила результат каких-то исследований, так как М. П. Бок упоминает документы Тевтонского ордена. Наконец, третья часть — самые достоверные данные, почти не вызывающие сомнений,— о Столыпинах с XVII в., подтверждаются материалами дела о дворянстве Столыпинах (там представлено их родословное древо). В окончательном виде эта легенда сформировалась, по-видимому, в начале XX в., так как в ней просматривается политическая составляющая — корни Столыпина настойчиво уводятся не к немцам, а к славянам. Возможно, это как-то связано со слухами, что у П. А. Столыпина была возможность наследовать весьма богатое поместье в Восточной Пруссии, что требовало покинуть государственную службу, но он отказался.

Ближайшие предки П. А. Столыпина были пусть и не выдающиеся, но высокопоставленными военными. Его дед — Столыпин Дмитрий Алексеевич (1785–1826) — генерал-майор артиллерии, сражался под Аустерлицем (1805), поддерживал близкие отношения с П. И. Пестелем и некоторыми декабристами. Отец — Аркадий Дмитриевич Столыпин (1821–1899) — участвовал в Крымской войне, дослужился до звания генерал-адъютанта, чина обер-камергера, был атаманом Уральского казачьего войска, в последние годы жизни — управляющим дворцовой частью в Москве. Это весьма важное место в придворной иерархии. Карьера А. Д. Столыпина объясняет, почему П. А. Столыпин весьма легко поднялся по лестнице придворных чинов. Несмотря на то что род Столыпина имел многочисленных представителей, занимавших видные места на государственной службе (преимущественно генералы), а также многочисленные родственные связи с виднейшими дворянскими фамилиями Российской империи, его все-таки нельзя отнести к аристократии. Обширные родовые связи, по-видимому, на первых порах способствовали карьере П. А. Столыпина, но не они определяли ее.

Семья, детство, студенческие годы

К сожалению, свидетельств, за исключением воспоминаний М. П. Бок, о детстве и юных годах будущего государственного деятеля России сохранилось мало. Несмотря на «перенос» «патриотами» места рождения П. А. Столыпина в Москву, появился на свет он все-таки в Дрездене 2 (14) апреля 1862 г. Детство будущего политика прошло преимущественно в Середниково (под Москвой), а затем в Колноберже (имении в Ковенской губернии, выигранном А. Д. Столыпиным в карты). В 1879–1881 гг. П. А. Столыпин учился в Орловской гимназии, так как отец в эти годы командовал 9-м армейским корпусом, передислоцированным после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Орел.

Осенью 1881 г. П. А. Столыпин стал студентом физико-математического факультета Петербургского университета. Это было неспокойное время: после убийства Александра II империя бурлила, настроения, в том числе и среди студенчества, резко поменялись. Трагическая гибель самодержца вызвала в обществе испуг и сильное неприятие по отношению к революционному движению. Прежнее брожение в студенческих рядах стало невозможным, а революционное движение временно сошло на нет. Место политических кружков заняли в основном академические и научные.

О студенческих годах П. А. Столыпина также осталось немного свидетельств. Хотя у него были не менее выдающиеся однокурсники. Так, П. А. Столыпин учился вместе с В. И. Вернадским на одном факультете и одном отделении и даже сначала поддерживал с ним дружеские отношения. Однако затем будущий академик стал «приютинцем» — членом студенческого сообщества, решившего посвятить себя учебе и науке, служению обществу, отвергая участие в революционном движении, а Столыпин — нет. Позднее, это было уже в начале 1890-х, «приютинцы» все-таки признали невозможность жить вне политики, а в начале XX в. стали основателями и лидерами партии конституционных демократов*. Однако не все. «Приютинец» С. Е. Крыжановский, ставший заместителем П. А. Столыпина по Министерству внутренних дел, порвал со своими товарищами в конце 1880-х. Любопытно, что он в своих мемуарах даже не упомянул П. А. Столыпина в связи со студенческими годами, хотя должен был встречаться с ним**. Студенческое литературно-научное общество Ореста Миллера тоже прошло мимо Столыпина. По рассказам сына будущего премьера (Аркадия) и весьма лапидарным мемуарам С. Н. Сыромятникова, лишь однажды встретившего П. А. Столыпина в 1884 г. в университете, на квартире Столыпина собирались что-то вроде литературного кружка, где бывал А. Н. Апухтин (1840–1893) — известный лирический поэт. Больше об этом ничего не известно.

Возможно, что литературный кружок как-то повлиял на выбор профессии младшим братом П. А. Столыпина. Александр Столыпин (1863–1925), также окончив Санкт-Петербургский университет, но по историко-филологическому факультету, стал журналистом. Он

* Вернадский Г. В. Братство Приютино // Новый журнал. 1968. № 93. С. 147–171; 1969. № 95. С. 202–215; № 96. С. 153–171; № 97. С. 218–237; Шаховской Д. И. Письма о Братстве // Звенья. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 174–318.

** Крыжановский С. Е. Воспоминания. [Берлин, 1938]. Книга, изданная в эмиграции тиражом 500 экземпляров, давно стала библиографической редкостью, в 2009 г. она была переиздана А. В. Лихомановым в издательстве Российской национальной библиотеки.

сотрудничал в целом ряде столичных газет, в том числе в «Санкт-Петербургских ведомостях» (одно время являлся даже редактором), «Новом времени» и др. В журналистских кругах он был известной и заметной фигурой, хотя по таланту и популярности, конечно, проигрывал таким столпам публицистики, как А. С. Суворин, М. О. Меньшиков, Э. Э. Ухтомский, В. П. Мещерский и др.

Весьма нетипичным поступком для той эпохи стала ранняя жестьба П. А. Столыпина — в студенческие годы, что было редкостью. Она оказалась окружена также романтическими обстоятельствами. Супругой П. А. Столыпина стала Ольга Борисовна Нейдгарт (1865–1944), невеста его старшего брата Михаила, поручика Преображенского полка, убитого на дуэли однополчанином и близким другом, князем И. Н. Шаховским. Эта дуэль, состоявшаяся рано утром 7 сентября 1882 г. в Левашово, наделала в то время много шума из-за своего трагического исхода. Весной 1882 г. князь И. Н. Шаховской вызвал Столыпина на поединок из-за того, что тот дурно отзывался об одном из их общих знакомых. Дуэль была отложена из-за болезни М. А. Столыпина. Он явно не стремился к поединку, пытался добиться примирения, предлагал И. Н. Шаховскому извиниться, но князь требовал публичного покаяния перед всем полком. Ситуацию, по сведениям Д. О. Бебутова, усугубил командир полка князь Н. Н. Оболенский, недолюбливавший И. Н. Шаховского. Он собрал офицерское собрание и настоял на отчислении князя из полка, после чего надеялся на мирное разрешение конфликта уже не приходилось*. Условия дуэли были жесткими: соперники расходились на 15 шагов (секунданты И. Н. Шаховского настаивали на 9), окончанием поединка считалось ранение одного из них. Жребий был благосклонен к Михаилу — он стрелял первым и ранил князя в бедро. Поединок на этом должен был закончиться, однако И. Н. Шаховской выстрелил и попал М. А. Столыпину в грудь, задев сердце. М. А. Столыпин скончался на месте (вопреки еще одной красивой легенде, что он на смертном одре соединил руки Петра и своей невесты). Сама дуэль стала предметом рассмотрения в окружном суде. Власть явно стремилась замять происшествие: было заявлено, что И. Н. Шаховской стрелял, не почувствовав ранения**. Однако характер его был таков (раздробление бедра с опасностью для жизни), что

* Бебутов Д.И. Записки // Hoover Institution on the War, Revolution and Peace. B. I. Nicolaevskii Collection. Box 106. Folder 1. Л. 50.

** Представление о дуэли прокурора Санкт-Петербургского окружного суда прокурору Санкт-Петербургской судебной палаты 8 сентября 1882 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 534. Д. 1240. Л. 61–62.

объяснение это выглядит большой натяжкой и выдает стремление избавить И. Н. Шаховского от тяжкого обвинения в умышленном убийстве. Человек взвалмошный, с явно неуравновешенной нервной системой, через некоторое время он погиб на Кавказе, сорвавшись с лошади в пропасть.

Позднее в печати появилась легенда, что П. А. Столыпин стрелялся с убийцей брата Шаховским и что тот прострелил ему руку. Но это была лишь красивая легенда. Проблема с правой рукой у П. А. Столыпина возникла еще в гимназические годы и была связана с повреждением нерва (см. статью С. Н. Сыромятникова в настоящей антологии). Это, вероятно, послужило также и причиной того, что П. А. Столыпин не мог пойти по стопам своих предков — поступить на военную службу (как, например, старший брат Михаил). Рукой он владел настолько плохо, что даже не мог ей писать (держа перо в правой руке, он водил ею с помощью левой руки).

Супруга П. А. Столыпина расширила и без того значительные его родственные связи. Мать О. Б. Нейдгарт — Мария Александровна Талызина (1834–1904) была правнучкой А. В. Суворова. Брат Ольги Борисовны — Дмитрий Борисович Нейдгарт — после выхода в отставку с военной службы (начинал ее в Преображенском полку, где командовал ротой Его Величества) стал в 1897 г. калужским вице-губернатором, в 1902 г. он — плоцкий губернатор, а в 1903–1905 гг. — одесский градоначальник. Нейдгарт Алексей Борисович (1863–1918) с 1897 г. служил нижегородским губернским предводителем дворянства, в 1905 г. был екатеринославским губернатором. Расстрелянный большевиками, в 2000 г. он был канонизирован Русской православной церковью.

Родственники всегда способствовали политической карьере Петра Аркадьевича, но реально их влияние не имело решающего значения. Как показывает биография П. А. Столыпина, они давали ему лишь известные возможности, которыми он сумел сполна воспользоваться.

У Петра Аркадьевича и Ольги Борисовны было шесть детей — пять дочерей и сын (1885 г.— Мария (автор воспоминаний об отце), 1891 г.— Наталья, 1892 г.— Елена, 1895 г.— Ольга, 1897 г.— Александра, 1903 г.— Аркадий (впоследствии — один из лидеров Народно-Трудового Союза)). Письма П. А. Столыпина жене, сохранившиеся в значительном количестве, оставляют впечатление счастливой семейной жизни Петра Аркадьевича. Однако любящая жена, милая домохозяйка, Ольга Борисовна, не обладала достаточным умом и тактом, чтобы успешно играть роль супруги российского премьера. Уже на закате карьеры своего мужа она прославилась организацией

домашних приемов, куда приглашались министры, депутаты Думы, члены Государственного совета, дипломаты и др. Эти светские рауты, проводимые с размахом, не столько способствовали сближению сановников и «общественности», на что рассчитывал П. А. Столыпин, сколько вызвали ненужную зависть и стали предметом ревности императрицы Александры Федоровны. Таким образом, фраза, что глава правительства «затмевает» императора, получала конкретное содержание.

Пропинциальный чиновник

Не получив университетского диплома, П. А. Столыпин уже поступил на службу. Сначала — в Петербурге, по Министерству внутренних дел и Главному управлению земледелия и государственных имуществ. Спешка вызывалась, вероятно, интересами будущей карьеры: так можно было быстрее выслужить лета и двигаться по чиновной лестнице. Важно, что вскоре П. А. Столыпин получил первое придворное звание: с 1 января 1888 г. он — камер-юнкер высочайшего двора.

Однако П. А. Столыпин променял прелести столичной службы на провинцию. Большого значения для будущей карьеры это не имело: провинциальный этап, скорее, приветствовался, а с его связями в столице П. А. Столыпину вряд ли грозило забвение и прозябание на третьестепенных должностях. Наверное, решающим аргументом стало место службы, то есть возможность жить в собственном имении и занимать относительно независимую должность. 18 марта 1889 г. он был избран ковенским уездным предводителем дворянства и председателем съезда мировых посредников (в 27 лет — рано, но не экстраординарно — согласно закону, можно с 21 года). Уездный предводитель возглавлял уездное дворянство, участвуя одновременно в ряде органов местного управления, таких как уездное земское собрание, различных попечительствах и т. п. Должность являлась почетной, но была хлопотной, требовала немало времени и энергии.

В мае 1896 г. П. А. Столыпин стал камергером высочайшего двора. Формально камергер соответствовал VI классу Табели о рангах (права на чин пожалование не давало). Но для молодого уездного предводителя дворянства в провинции — это редкое достижение: камергерский ключ вообще мало кто мог предъявить. Разумеется, камергерство П. А. Столыпина — это следствие служебного положения его отца. Оно, конечно, не сыграло решающей роли в дальнейшем продвижении П. А. Столыпина по службе, но близость к высочайшему двору — это серьезная привилегия.

24 апреля 1898 г. П. А. Столыпин получил назначение ковенским губернским предводителем дворянства (в губерниях Северо-Запада предводители не избирались дворянским собранием, как в остальной России, а назначались правительством). Предводитель, по сути, являлся вторым человеком в губернии после губернатора, нередко — кандидат в губернаторы. Губернский предводитель дворянства не только возглавлял сословную корпорацию, но и участвовал во многих вопросах управления местными делами (председательствовал и участвовал в различных комиссиях и комитетах и т. п., в частности, возглавлял губернское земское собрание, училищный совет, состоял в губернском присутствии). Можно сказать, что с этой должности начинается государственная деятельность П. А. Столыпина.

Молодой предводитель должен был сразу столкнуться с многочисленными особенностями местной жизни. Прежде всего, это господство польского землевладения в губернии и отсутствие крестьянской общины. Эти обстоятельства следовало учитывать в деятельности администрации. Кроме того, П. А. Столыпин обратил внимание на эффективность ведения единоличных крестьянских хозяйств, всячески приветствовал и поддерживал такую форму земледелия. Впоследствии это сыграло важную роль в проведении им аграрной реформы во всей России.

Одновременно будущий глава правительства напоминал о себе своему непосредственному начальству в Петербурге. Так, 28 мая 1902 г. датирована докладная записка П. А. Столыпина новому министру внутренних дел В. К. Плеве, в которой он изложил свои соображения относительно земства в западных губерниях. Такие обращения демонстрировали как служебное рвение, так и уровень понимания местных проблем. Записки П. А. Столыпина явно нравились в министерстве. Можно предположить, что это и послужило началом его быстрого карьерного роста.

30 мая 1902 г. П. А. Столыпин был назначен исполняющим должность гродненского губернатора. Князь А. В. Оболенский, служивший в то время начальником канцелярии гродненского губернатора (сохранил свою должность и при П. А. Столыпине), в мемуарах сообщил, что П. А. Столыпина рекомендовал Николаю II граф Александр Тышкевич, член Государственного совета и крупный землевладелец. Эта рекомендация исходила, по сути, от поляков-землевладельцев, которые с уважением относились к деятельности П. А. Столыпина в Гродно*. Тем не менее на второй день своего губернаторства П. А. Столыпин закрыл польский клуб в Гродно, где господствовало «повстанческое настроение». Удивительно, но это в общем не повлия-

* Оболенский А. В. Мои воспоминания. Стокгольм, 1953. С. 21.

ло на отношение к нему поляков*. Вообще это редкое умение действовать вопреки и не наживать при этом себе врагов, которое не раз впоследствии выручало П. А. Столыпина. Такая деятельность явно пришла по вкусу В. К. Плеве, который приветствовал энергичные инициативные действия руководителей местной власти. Надо также отметить, что протекцией придворным чинам и их продвижением по службе В. К. Плеве не занимался, отличал за дело.

Саратовский губернатор

В карьере П. А. Столыпина есть два труднообъяснимых рывка, которые не вполне понятны даже сейчас, несмотря на усилия многих историков. Первый — это быстрый перевод П. А. Столыпина из Гродно (с 15 февраля 1903 г. он — саратовский губернатор) в абсолютно другой и не знакомый молодому чиновнику регион. Конечно, это означало серьезное повышение. Было ли это личной инициативой В. К. Плеве, явно благоволившего П. А. Столыпину? Уже тогда ходили слухи, что молодого губернатора поддерживал Б. В. Штюрмер, директор Департамента общих дел — ключевого подразделения в ведомстве внутренних дел, но никаких явных свидетельств этому нет. Да и причина такого расположения непонятна. Однако есть другое свидетельство — письмо П. А. Столыпина П. Д. Святополк-Мирскому (бывшему товарищу министра и своему непосредственному начальнику!) об обстоятельствах появления манифеста 26 февраля 1903 г., обещавшего некоторые реформы**. Речь шла об интригах между В. К. Плеве, князем В. П. Мещерским и активным участием во всем этом Николая П. Понятно, что знать это мог лишь человек, обладающий серьезными связями в верхах, даже лучшими, чем у П. Д. Святополк-Мирского (который, кстати, полтора года спустя стал министром внутренних дел). Столь выдающаяся осведомленность обычного губернатора заставляет подозревать, что он имел в столице весьма высокопоставленных и до сих пор не известных покровителей.

Саратовская губерния — одна из крупных и важных в России, престижное место службы. Занимая территорию около 75 тыс. квадратных верст, она включала в себя 10 уездов с 2,4 млн жителей по переписи 1897 г. Черноземные почвы привлекали поселенцев со второй половины XVIII в., туда приехало большое количество немцев-колонистов. Однако к XX в. уже остро стояла проблема

* Там же. С. 24.

** Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1371. Л. 15–16 об.

аграрного перенаселения. В отличие от Северо-Запада крестьяне были объединены в общины, что лишь осложняло нехватку земель.

Первоначально П. А. Столыпин, по-видимому, испытал разочарование в перемене места службы. Он нелестно отзывался о Саратове в частной переписке, недоволен он был и составом своих подчиненных*. О службе П. А. Столыпина в Саратове сохранилось немало свидетельств. В 2007 г. была опубликована профессионально подготовленная подборка официальных документов (письма, телеграммы, донесения и т. п.) губернатора, весьма ярко представляющая его деятельность**.

В Саратовской губернии по ряду причин в 1905 г. сильно вспыхнуло революционное движение. Губернатору пришлось проявить немало энергии для прекращения беспорядков, нередко он боролся с ними личным примером. С февраля 1905 г. он ездил по селам, иногда выходил к бунтующим крестьянам без охраны, посещал сельские сходы. Его личное мужество, умение обезоружить наиболее агрессивных зачинщиков беспорядков стало легендой уже при жизни премьера и хорошо отражено в публицистике. Такое поведение и несомненная личная смелость были совершенно не типичны для большинства губернаторов в империи.

Конечно, одновременно для пресечения выступлений привлекались войска. Вообще использование армейских частей в борьбе с революцией крайне нежелательно. Власть всегда стремилась держать армию вне внутренних проблем (подавлять выступления — это не дело профессиональных военных, они призваны защищать страну, решать же внутренние проблемы должны специально подготовленные для этого подразделения). Однако осуждать П. А. Столыпина за это нельзя. Размах выступлений был таков, что никаких сил полиции не хватало. К лету 1905 г. у губернатора уже сложилась некоторая практика использования казачьих команд и армейских офицеров против крестьянских бунтов. Ради этого он даже просил Петербург не посыпать войска из Саратовской губернии на Дальний Восток, где еще продолжалась война с Японией. Конечно, остановить революцию в отдельно взятой губернии было невозможно, но активные действия губернатора позволили ему не утратить совершенно контроль за губернией, хотя многие уезды пылали. Борьба с революцией вызвала первые покушения

* П. А. Столыпин — А. Ф. Мейendorфу 28 августа и 31 октября 1904 г. // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 219. Л. 5–7.

** Воронежцев А. В., Пиреев А. И. Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). Саратов, 2007.

на жизнь П. А. Столыпина. Там, в Саратове, они не были хорошо подготовлены, носили скорее, спонтанный характер. Определенным контрастом этому — убийство генерала В. В. Сахарова 22 ноября 1905 г. (застрелен А. А. Биценко, входившей в Боевую организацию партии эсеров), направленного в Саратов для подавления аграрных беспорядков. Означало ли это, что П. А. Столыпин не был мишенью для организованных террористов? Вряд ли. Скорее всего, организация покушения на непрерывно разъезжавшего по губернии и по России губернатора являлась делом слишком хлопотным.

Действия П. А. Столыпина по подавлению революционного движения не остались незамеченными в столице. Министр внутренних дел А. Г. Булыгин и его товарищ Д. Ф. Трепов неоднократно сообщали царю об успешных действиях саратовского губернатора, Николай II всячески поощрял их. Личная известность императору имела колossalное значение для будущей карьеры П. А. Столыпина.

С подавлением крестьянских выступлений прямо связана борьба губернатора с земством и вообще с либералами, о которой повествуется в публикуемых в настоящей антологии воспоминаниях Герасимова и Скипицына. П. А. Столыпин видел несомненную связь либерального движения с революцией, считал, что крестьянское движение спровоцировано прежде всего злонамеренной агитацией*. Разумеется, он принимал необходимые меры для борьбы со всеми антиправительственными силами. Действовал губернатор энергично, жестко, но старался, чтобы это было в рамках закона. Еще важный момент — П. А. Столыпин совершенно разочаровался в общине, которая очевидно способствовала революционному пожару в деревне. Уже в мае 1905 г. он писал А. Г. Булыгину: «Я впервые натолкнулся на замкнутую, вполне солидарную крестьянскую массу, фанатически верующую в грядущий социалистический порядок землепользования, причем новое учение, по-видимому, заняло место прежних идеалов, так как усердие к церкви заменилось полным равнодушием, авторитет царской власти не является уже чем-то незыблемым и осознательно проявляется лишь недоверие к тому, чтобы правительство сделало что-либо для улучшения крестьянского быта»**. Конечно, это еще не контуры будущей столыпинской аграрной реформы. Просто к идеалу хуторского хозяйства добавилось убеждение, что община — зло, с которым надо что-то делать.

* Донесение П. А. Столыпина П. Н. Дурново 11 января 1906 г. // Воронежцев А. В., Пиреев А. И. Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 186–189.

** Представление П. А. Столыпина А. Г. Булыгину 8 мая 1905 г. // Там же. С. 115–116.

Энергичные действия в Саратове выделяли П. А. Столыпина из ряда своих коллег-губернаторов в глазах стольчного начальства. Редкий случай — к нему практически все относились положительно. В действиях П. А. Столыпина в Саратове явно доминирует стремление решать возникающие проблемы, а не преследовать карьерные цели. Но, думаю, что их он тоже не упускал из вида. Как администратор, П. А. Столыпин не боялся отстаивать собственное мнение перед вышестоящим начальством, даже идти наперекор ему. Так, он выступил против предложения министра внутренних дел П. Н. Дурново уволить председателя и членов Саратовской губернской земской управы за революционную деятельность — не потому, конечно, что разделял их позицию, а полагая ограничиться ударом только по тем членам управы, «которые явно нарушали свой служебный долг». За несогласие с министром губернатор был готов уйти в отставку в любой момент, который П. Н. Дурново сочтет возможным*. Такое подчеркнутое несогласие с начальством и нежелание при этом вставать в позу также редко встречалось среди губернаторов. Однако к тому времени — началу 1906 г. — можно предположить, что П. А. Столыпин был уверен в благополучности своей дальнейшей судьбы, для этого есть некоторые основания (подробннее о них — ниже). Вдобавок П. А. Столыпин был очень удачив, для политического деятеля такое качество весьма важно.

Глава правительства

Рывком в карьере П. А. Столыпина стало назначение его министром внутренних дел. Ни возраст, ни его служебное положение не предусматривали подобного взлета. Губернатор с трехлетним стажем работы в одной из важных губерний — такой опыт явно не считался достаточным. А руководитель МВД — ключевого министерства в империи — вообще прямо из губернаторов до этого никогда не назначался. Обычно губернатор — это претендент на должность директора департамента в одном из ведомств или на должность товарища министра. П. А. Столыпин, кстати, и должен был пойти по этому пути. Уже в марте 1905 г. П. А. Столыпин получил предложение возглавить Крестьянский банк. Его управляющий В. В. Мусин-Пушкин искал себе замену, П. А. Столыпина ему посоветовал П. Д. Святополк-Мирский: Столыпин хотел перебраться в Петербург «для вывоза в свет дочерей». Место управляющего его прельщало, но из-за беспорядков он опасался немедленно по-

* Донесение П. А. Столыпина П. Н. Дурново 13 марта 1906 г. // Там же. С. 199–203.

кинуть Саратовскую губернию («у него будет чувство часового, покинувшего свой пост»). Несмотря на то что министр финансов В. Н. Коковцов обещал благоприятные для П. А. Столыпина перспективы, назначение не состоялось *. Вероятно, сыграла свою роль и позиция министра внутренних дел. А. Г. Булыгин, услышав от П. А. Столыпина рассказ о событиях в Балашове, где тому удалось поставить бушующую толпу на колени, запротестовал: если ранее он соглашался отпустить губернатора на службу в Министерство финансов, то теперь стал категорически против. В конце концов Николай II решил вернуть П. А. Столыпина в Саратов, «но чтобы через год он мог претендовать на любой департамент в любом министерстве» **.

Года не прошло. Уже в октябре 1905 г. фамилия Столыпина прозвучала при переборе кандидатов в министры внутренних дел и стала достоянием газет. Понятно почему — сменились критерии для назначения. Главе только что образованного правительства С. Ю. Витте требовался кандидат не столько с бюрократическим опытом, сколько способный энергично бороться с революцией и не отторгаемый общественным мнением. Тогда все закончилось на слухах — никаких предложений П. А. Столыпин не получил.

Вновь саратовский губернатор попал в список кандидатов весной 1906 г. Только что назначенный премьером И. Л. Горемыкин подбирал смену уходящему в отставку в составе всего кабинета С. Ю. Витте П. Н. Дурново и представил самодержцу двух кандидатов — Н. А. Звегинцова *** и П. А. Столыпина, предпочитая последнего****. На нем же остановил свой выбор и Николай II.

Вероятно, царь помнил обещание, данное саратовскому губернатору в начале 1905 г., забрать его через год в Петербург. Но, конечно, решающую роль играла отличная репутация П. А. Столыпина как губернатора и борца с революцией. Надо заметить, что после П. А. Столыпина назначение на пост главы внутриполитического

* Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004. С. 26.

** Мусин-Пушкин В.В. Воспоминания // Библиотека-фонд «Русское зарубежье». Ф. 1. Е-168. Л. 61. В. В. Мусин-Пушкин — зять И. И. Воронцова-Дашкова, вероятно, от него И. И. Воронцов-Дашков, назначенный наместником на Кавказ, узнал о П. А. Столыпине и рассматривал его как возможного своего заместителя по гражданской части (черновик его письма Николаю II: РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 1220. Л. 44–45 об.), но Столыпин не знал Кавказа.

*** Звегинцов Н. А. (1848–1920) — в 1901–1905 гг. — смоленский, а в 1905–1914 гг. — лифляндский губернатор.

**** И. Л. Горемыкин — Николаю II, апрель 1906 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 199.

ведомства губернатора (Н. А. Маклаков в 1912 г. и А. Н. Хвостов в 1915 г.) стало едва ли не приоритетным. Кроме того, еще, по-видимому, во времена губернаторства П. А. Столыпин сумел сразу взять верный тон в отношениях с императором — без излишнего подобострастия, но царское слово для него свято, служит указанием к неукоснительному исполнению. Этот принцип П. А. Столыпин выдержал все время своего министерства. Правильное поведение и энергия выгодно отличали молодого сановника как от С. Ю. Витте, с одной стороны, так и от И. Л. Горемыкина — с другой.

Став министром, П. А. Столыпину необходимо было также состояться и как публичному политику. П. А. Столыпин был не первым в России публичным политиком. Таким можно назвать С. Ю. Витте. Но он стал первым, кто в 1910 г. заявил о себе не как о бюрократе, а как об общественном деятеле. Умение выступать перед депутатами в Государственной думе стало в его правительстве обязательным качеством. Сам П. А. Столыпин не без удовольствия держал речь перед депутатами, давал интервью и, надо признать, имел успех даже у противников. Ряд его фраз, вроде «не запугаете», «им нужны великие потрясения, а нам — великая Россия» и др. стали афоризмами уже при жизни премьера. Конечно, в основном это были «домашние заготовки», формулировать хлесткие фразы премьеру помогал его литературный сотрудник И. Я. Гурлянд*. Интересные наблюдения над речами П. А. Столыпина сделал пермский историк И. К. Кирьянов. По его подсчетам, самым употребляемым словом в выступлениях премьера было «право»; «самодержавие» находилось лишь на третьем месте**. Все это принципиально отличало П. А. Столыпина от его предшественников.

До П. А. Столыпина к средствам массовой информации относились по большей части как к нежелательным источникам информации, в качестве средства борьбы с ними видели запреты и ограничения. Да, была официозная печать, были и спонсируемые властью издания, но популярность их нельзя назвать значительной. П. А. Столыпин рассматривал печать как пропаганду точки зрения правительства, разъяснение его позиции. Для осуществления этой задумки вместо созданного С. Ю. Витте непопулярного органа правительства газеты «Русское государство» премьер основал свой

* Менделеев П. П. «Прирожденный оратор» // П. А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 56–57.

** Кирьянов И. К. П. А. Столыпин: первый публичный политик от российской бюрократии // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. М., 2012. С. 86.

рупор — газету «Россия» (1906 г.). Ее соредакторами стали бойкие публицисты и ближайшие сотрудники П. А. Столыпина С. Н. Сыромятников и И. Я. Гурлянд*.

Правительство И. Л. Горемыкина (вообще второе в истории России) стало первым, кому пришлось иметь дело с законодательным народным представительством. Первая Дума работала в Таврическом дворце с 27 апреля по 9 июля 1906 г. Главной, самой большой фракцией в народном представительстве была кадетская — по разным подсчетам и в разное время она составляла 153–182 депутата (это примерно 35–37 %). В руках партии П. Н. Милюкова находилось также $\frac{2}{3}$ президиума Думы, ее представители возглавляли 16 из 22 отделов и большинство думских комиссий. Второй по численности и влиянию фракцией являлась трудовая группа, куда входило большинство депутатов-крестьян — около 100–110 человек (примерно 20 %). Эти две фракции и определяли лицо Думы. Оно было настроено революционно. Если кадеты выступали за превращение России в конституционную монархию, то есть за дальнейшее развитие начал манифеста 17 октября 1905 г., и ответственное перед народным представительством правительство, то трудовики шли еще дальше, предлагая аграрную реформу с отменой частной собственности на землю. Оба варианта означали продолжение революции. Разумеется, Дума сразу противопоставила себя царю и правительству. Глава кабинета И. Л. Горемыкин стремился вообще игнорировать палату депутатов, он выступил в ней всего один раз, 13 мая, с декларацией правительства, вызвав шквал негодования народных избранников. Одним из немногих министров, кто мог говорить с трибуны Таврического дворца, был П. А. Столыпин. Как министр внутренних дел, он трижды выступал в Думе с ответами на запросы (8, 12 и 22 июня 1906 г.). В частности, уже в первом своем выступлении 8 июня П. А. Столыпину пришлось отвечать на очень неприятный для МВД запрос — о печатании в Департаменте полиции провокационных листовок, призывавших к еврейским погромам. Особенно плохо было то, что с разоблачениями выступил бывший губернатор и товарищ министра внутренних дел С. Д. Урусов, знавший «кухню». П. А. Столыпин старался выглядеть честно

* Гурлянд Илья Яковлевич (1868 — не ранее 1921) — окончил Демидовский юридический лицей, историк, правовед, профессор; автор ряда исторических работ. С начала XX в. сотрудничал с ярославским губернатором, а затем крупным чиновником министерства внутренних дел Б. В. Штюрмером; с 1906 г. — со Столыпиным. Автор многих статей в «России», излагающих позицию правительства по разным вопросам. Сохранились черновики и гранки таких статей с резолюциями Столыпина.

и одновременно пытался защищать подчиненных. Дума слушала его с некоторым интересом, но без всякого выраженного уважения. Другие вопросы министр внутренних дел в своих речах стремился не поднимать. Ближайший в то время сотрудник П. А. Столыпина В. И. Гурко утверждал впоследствии, что министр боялся затрагивать в Думе аграрный вопрос*. Есть свидетельства, что в это время будущий премьер полагал, что принудительного отчуждения помещичьих земель избежать не удастся. Позицию исполнительной власти изложили в Думе 19 мая главноуправляющий земледелием и землеустройством А. С. Стишинский и товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко**.

Оба чиновника говорили примерно об одном и том же. Они доказывали, что даже если конфисковать всю землю, которой крестьяне не владеют (примерно 41 млн десятин), и поделить между ними, то в среднем их землепользование увеличится на одну с небольшим десятину на душу населения, что никак не решит проблему малоземелья. Уничтожение же частновладельческих хозяйств резко снизит производительность аграрной экономики и в конечном итоге нанесет сильный удар по самим же крестьянам, имеющим от помещиков весьма значительные доходы. «Главное зло в крестьянском хозяйстве,— по мнению правительства,— это экстенсивный его характер и его косность»***. Будущее признавалось только за хуторским хозяйством, чья продуктивность, по данным власти, была выше крестьянского общинного в среднем на 20 %. Конечно, такая позиция кабинета вызывала в Думе резкие нападки. Но следует признать, что убедительных аргументов против цифр у выступающих не нашлось, их критика сводилась к эмоциональным, почти истерическим монологам. Конечно, Дума не приняла позицию правительства, продолжая готовить свои проекты решения аграрного вопроса. Но то, что она вообще прозвучала,— было важным для власти, которая с трудом нащупывала то дно, оттолкнувшись от которого, она начнет наступление на революцию.

Кроме выступлений в нижней палате П. А. Столыпин отметил также в переговорах с общественными деятелями о создании кадетского кабинета. Переговоры эти начал Д. Ф. Трепов, тогда — дворцовый комендант, напуганный размахом революции и считавший, что власти следуют уступить либералам. П. А. Столыпин подключился к ним позднее, с согласия Николая II. Однако если Д. Ф. Трепов

* Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 558–559.

** Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1-й. Т. 1. С. 509–523.

*** Там же. С. 514.

легко нашел общий язык с лидером кадетов, то у будущего премьера это не получилось. Возможно, камнем преткновения стал пост министра внутренних дел: П. Н. Милюков не допускал сохранения его за П. А. Столыпиным. Понятно, что П. А. Столыпин стал склоняться к другому варианту решения политического кризиса — роспуску Государственной думы.

Министр внутренних дел был активнейшим участником других переговоров — о судьбе Думы и правительства. Из законодательного тупика следовало как-то выходить: либо заменять правительство, либо распускать Думу, либо совершать эти два действия одновременно. По сведениям В. И. Гурко, император предложил пост премьера Столыпину еще до увольнения И. Л. Горемыкина, причем речь об одновременном с отставкой премьера роспуске Думы не шла. Возможно, что П. А. Столыпин и Николай II согласились на комбинацию: новый кабинет и назидательное, почти ультимативное выступление царя перед Думой (в надежде, что Дума оппозиционна правительству, но не государю). Окончательное решение было принято Николаем II, И. Л. Горемыкиным и П. А. Столыпиным 8 июля, причем одновременно П. А. Столыпин становился главой кабинета.

Настоящее правительство европейского типа с премьером во главе, который бы контролировал деятельность министров, влиял на их назначения и т. п., было мечтой председателя (с августа 1903 г.) Комитета министров С. Ю. Витте, который попытался воплотить ее в жизнь во всеподданнейшем докладе 17 октября 1905 г., сопровождавшем известный манифест. Николай II под напором необходимости действительно объединить деятельность министров в борьбе с революцией и добиться их единства перед грядущей Государственной думой был вынужден согласиться. Однако, не желая предоставлять С. Ю. Витте слишком обширные полномочия, самодержец все-таки настоял на том, что сохраняется всеподданнейший доклад каждого министра, что назначение и увольнение на должность целиком остаются в компетенции царя, и, наконец, в Совет министров, по сути, не вошли силовые министры (военный, морской), иностранных дел и министр двора. Самые значительные полномочия премьеру и Совету министров были даны только в отношениях с Думой — предполагалось, что все законопроекты, исходящие от ведомств, должны быть предварительно утверждены в Совете министров и уже только затем передаваться на усмотрение законодательной палаты. Именно таким премьером стал П. А. Столыпин. Еще одна важная деталь — в России правительство никак не зависело ни от Государственной думы, ни от Государственного совета. Палаты не могли ни обсуждать кандидатуры, ни требовать

увольнения министров. За ними признавалось только право контроля за законностью действий высшей исполнительной власти.

П. А. Столыпин начал свою деятельность с формирования нового кабинета. Принятие должности он обусловил удалением из кабинета двух самых одиозных его членов — обер-прокурора Синюда А. А. Ширинского-Шихматова и главноуправляющего ГУ-ЗиЗ А. С. Стишинского. Делалось это не в последнюю очередь ввиду возможного соглашения с общественными деятелями для привлечения некоторых из них в правительство. Однако переговоры с ними окончились неудачей. Одновременно с переговорами П. А. Столыпин провел анализ причин победы на выборах в Думу революционно настроенных сил. 15 июля 1906 г. он представил Николаю II всеподданнейший доклад, в котором изложил программу действий для того, чтобы состав второй Думы был иным. Премьер предложил две группы мер. Первая — это изменение избирательного законодательства. П. А. Столыпин считал необходимым вернуться к первоначальной системе выборов, планировавшихся Крыжановским еще весной 1905 г.: всесословные выборы одного депутата в уезде и уменьшение участия в этом крестьян. Надо отдать должное главе правительства, он нашел в себе мужество признать очевидное: масса неимущих не может не протестовать против своего положения. «Большинство избирателей склоняется поэтому к подаче голоса за тех прежде всего, кто обещает им улучшение их материального быта. Фабричный рабочий и у нас, как и везде, подает голос преимущественно за представителей социалистических партий; малоземельный крестьянин, сколь бы он ни был консервативен в своих политических воззрениях, неизбежно склоняется к подаче голоса за того, кто обещает “добыть земли”... мало того, как указал уже опыт, крестьянин под действием этой причины легко расстается с привычным ему политическим мировоззрением и быстро усваивает сознание необходимости добыть и “воли”, т. е. власти»*. Естественно, что Дума, составленная в большинстве из таких людей, была всегда обречена на оппозицию власти. Иначе говоря, премьер признал, что ставка на монархические чувства крестьян, сделанная в 1905 г. и поддержанная Витте, оказалась ошибочной. Однако немедленно изменить избирательный закон П. А. Столыпин не предлагал.

Вторая группа мер, предложенная главой правительства, состояла из активных мероприятий власти на грядущих выборах. Он исходил

* Всеподданнейший доклад П. А. Столыпина 15 июля 1906 г. (копия) // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 787. Л. 4.

из того, что российское общество, не имея устойчивого консервативного элемента, на формирование которого в странах Европы потребовались столетия, оказалось не готовым обеспечить преобладание умеренных политических сил в Думе. Поэтому выход виделся «в энергетическом правительственном давлении на ход выборов, не выходящем, конечно, из границ дозволенного законом». Конкретно это выражалось в намерениях поддерживать умеренную печать, «не останавливаясь в этом отношении ни перед какими затратами»; заранее намечать желаемых для власти кандидатов в депутаты Думы и проталкивать их «всеми не противными закону способами». Предлагая сделать правительство участником выборов, П. А. Столыпин был одновременно категорическим противником насилия и полицейских стеснений для устранения неугодных кандидатов: как показал опыт первых выборов, это только увеличивало их шансы*.

Тerrorисты против П. А. Столыпина

Энергичная деятельность нового премьера чуть не прервалась 12 августа 1906 г. В литературе гуляет цифра: 11 покушений на П. А. Столыпина, но очевидно, что в их число включили также замышляемые, но не состоявшиеся. Первое покушение на П. А. Столыпина произошло 17 июля 1905 г. в Балашовском уезде Саратовской губернии, когда в губернаторский экипаж было сделано три выстрела, но никто не пострадал.

12 августа 1906 г. случилось самое серьезное из них — покушение эсеров-максималистов на П. А. Столыпина, ставшее одним из самых кровавых преступлений в истории российского терроризма. Эсеры-максималисты — небольшая группа наиболее радикально настроенных революционеров, отколовшаяся от партии эсеров в 1904 г. и сосредоточившаяся на революционном терроризме. Всего они подготовили около 50 террористических актов, покушение на П. А. Столыпина стало самым громким предприятием в их «послужном списке». На организацию теракта против премьера затратили 150 тыс. руб., захваченных при ограблении Московского общества взаимного кредита. Революционеры подготовили 3 заряда, содержащие примерно 20 кг взрывчатки. З человека (Э. Забельшанский, И. М. Типунков, Н. И. Иванов), двое из них в жандармской форме, явились днем 12 августа 1906 г. на дачу премьера на Аптекарском острове, когда П. А. Столыпин вел прием посетителей. Их остановили в приемной, злоумышленники бросили бомбы себе под ноги,

* Там же. Л. 5–5 об.

произошел сильный взрыв. Дача была разрушена, но по иронии судьбы кабинет премьера пострадал незначительно. Число убитых и раненых превысило 60 (только убитых, по разным сведениям, было от 24 до 29). Тяжелое ранение получила дочь П. А. Столыпина Наталья, оставшись на всю жизнь инвалидом. После этого случая П. А. Столыпин приобрел себе бронежилет, который первое время нередко надевал, а в портфеле стал носить тяжелый стальной лист. Однако он не слишком надеялся на надежность такой защиты. Председателю Медицинского совета МВД Г. Е. Рейну он сказал: «Пулю можно предупредить, а от бомбы никакой панцирь не спасет»*. По иронии судьбы разговор этот состоялся летом 1911 г., перед поездкой премьера в Киев, где он оказался без панциря.

Тerrorисты плохо просчитали возможные последствия своих действий. П. А. Столыпин, не пострадав во время этого кровавого акта, получил, наоборот, симпатии общества. Вызывающее же поведение революционеров развязало, по сути, руки власти. Ответом Николая II стало учреждение военно-полевых судов. В публицистике и историографии совершенно напрасно приписали эту мысль П. А. Столыпину. Впервые идею подобных судов высказал С. Ю. Витте в декабре 1905 г., но Совет министров не поддержал премьера и с его мнением согласился Николай II. Царь вернулся к ней 27 июля 1906 г., повелев военному министру А. Ф. Редигеру разработать положение об ускоренном двухсуготочном суде. Уже 17 августа Совет министров учредил военно-полевые суды в местностях, находившихся на чрезвычайном и военном положении. Право создать этот орган военно-полевой юстиции получал любой начальник гарнизона, командир порта и все вышестоящие должностные лица в погонах по распоряжению генерал-губернатора или главноначальствующего. Суд, состоящий из председателя и 4 офицеров, не более чем за два дня рассматривал в закрытом заседании дела по обвинению, внесенные в суд генерал-губернатором, главноначальствующим или уполномоченным им лицом. Приговор суда приводился в исполнение в течение суток. 19 августа Николай II утвердил журнал Совета министров, и военно-полевые суды стали, таким образом, реальностью**. 12 октября П. А. Столыпин своим циркуляром уточнил область применения военно-полевой юстиции. Был точно определен состав рассматриваемых ею преступлений:

* Рейн Г. Е. Из пережитого 1907–1918. Т. 1. Берлин, 1935. С. 126.

** См.: Особый журнал Совета министров «По вопросу об учреждении военно-полевых судов» 17 августа 1906 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 год. М., 2011. С. 114–117.

связанное с применением оружия насилие и только когда факт деяния очевиден и достоверен.

Власть, учредив такую форму ускоренной расправы над людьми, взявшими в руки оружие, понимала, что это мера временная, связанная с революцией, и не совсем правовая. Как точно подметил выступавший во II Думе кадет В. А. Маклаков, правительство таким образом разрушало сам принцип судопроизводства: получалось, что за одно и то же преступление можно было судить обычным судом присяжных с одним приговором, военно-окружным судом — другим и, наконец, военно-полевым судом — с третьим (как правило, немедленным расстрелом). В. Д. Кузьмин-Караваев обнародовал в Думе цифры: на 1 февраля 1907 г. из 1100 дел, рассмотренных военно-полевыми судами, 950 содержали смертные приговоры, лишь 85 человек были осуждены на лишение свободы. Реально по апрель 1907 г., когда закончилось действие царского указа, так и не внесенного на утверждение Думы, они вынесли 1102 смертных приговора, — это очень много для России того времени. Пресса была переполнена сообщениями о зверствах и необоснованных приговорах; это впоследствии перекочевало на образ П. А. Столыпина и оценку его деятельности. Надо признать, что в ряде случаев военно-полевые суды действовали безобразно, действительно отправляя на расстрел невиновных. Учитывая всеобщее озлобление против них, Совет министров 9 февраля 1907 г. решил не вносить законопроект о военно-полевых судах во II Думу, а генерал-губернаторам и главноначальствующим было рекомендовано воздержаться от их использования.

II Дума: негативный опыт

В отличие от С. Ю. Витте П. А. Столыпин взял курс на активное вмешательство правительства в избирательный процесс в Думу. Были использованы все законные и не вполне законные средства, чтобы несколько изменить состав избирателей. 7 октября 1906 г. Сенат «разъяснил», что все крестьяне-землевладельцы могут голосовать лишь по крестьянской курии и не имеют права участвовать в съездах мелких земельных собственников. Циркуляром МВД 3 ноября 1906 г. от выборов вообще отстранялись земледельцы, забросившие свое хозяйство или живущие в городе*. Их удалением власть надеялась усилить умеренные настроения как среди землевладельцев, так и среди крестьян. 20 октября 1906 г. МВД предложило местным властям «уточнить»

* См.: Брянчанинов А.Н. Междодумье. Вып. 1. Сборник материалов для характеристики политического положения перед созывом второй Думы. СПб., 1907. С. 218–219.

списки избирателей, удалив из них тех, чьи права «представляются недоказанными»*. Это был удар по небогатой интеллигенции, многие представители которой балансировали на грани допуска к выборам из-за проблем с цензами. Если на первых выборах была проблема «многоголосия», то на вторых — проблема «безгласия». Часть избирателей неожиданно «исчезла» из списков. 24 и 27 октября МВД распорядилось удалить из числа избирателей субарендаторов**. Одновременно Сенат также ужесточил требования, признав, что в выборах в Думу по городским спискам не могут участвовать рабочие, вспомогательный персонал (дворники, швейцары, курьеры, вахтеры и т. п.), низшие железнодорожные служащие. Был «повышен» и жилищный ценз: оказалось, что «даровые» квартиры не дают их обладателям право голоса***. Сенат сделал еще ряд подобных, но менее существенных «разъяснений». Все они в разной степени, но сокращали число избирателей.

Эти меры оказали влияние (но не решающее) на состав II Думы: кадеты получили во II Думе 98 депутатских мест, потеряв примерно 80 мандатов. В общем революционные партии получили 222 мандата (104 — трудовики, 37 эсеры, 16 народные социалисты, 65 — социал-демократы) — это 43 % всех депутатских мест и относительное большинство. Октябристы, выступавшие как правительственный партия, получили всего 43 места (9 %) — это означало провал ставки на умеренные силы. Крайне правые партии получили во II Думе 25–30 мест, однако вместе с ними голосовала большая группа депутатов, проходивших как беспартийные. Действительно, по подсчетам председателя народного представительства кадета Ф. А. Головина, во II Думе сформировались два радикальных крыла. Одно — революционное, насчитывало 113 депутатов (социал — демократы, эсеры и народные социалисты). Другое — монархическое, правое, куда Головин причислил не только 22 правых, но и октябристов (32) и 50 беспартийных, получило 104 мандата. И наконец, центр, который придавал Думе некоторую устойчивость. Ф. А. Головин отнес к нему, помимо 92 кадетов, и 101 трудовика, которые традиционно рассматриваются как левые, но во II Думе были близки конституционным демократам****. Партия же

* Там же. С. 215–216.

** См.: Там же. С. 217.

*** См.: *Дан Ф. Общая политика правительства и изменения в государственной организации в период 1905–1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX века. Т. IV. Ч. 2. СПб., 1912. С. 80–81.*

**** См.: *Воспоминания Ф. А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 143.*

П. Н. Милюкова, не настаивая, как в I Думе, на немедленном изменении государственного строя, заняла более умеренную позицию, ставя во главу угла сохранение народного представительства, а не борьбу с правительством. Тем не менее для П. А. Столыпина все это означало, что в новом составе палаты не будет правительственного большинства и его невозможно создать.

Не дожидаясь созыва Думы и ее реакции на правительственные законопроекты, П. А. Столыпин, в отличие от пассивного И. Л. Го-ремыкина, начал преобразования. Он пользовался при этом статьей 87-й основных законов, дававшей правительству право между сессиями народного представительства принимать необходимые решения как временные меры, с тем чтобы после начала сессии они в двухмесячный срок были внесены на рассмотрение Думы (сроки рассмотрения Думой этих законопроектов никак не оговаривались).

24 августа 1906 г. П. А. Столыпин обнародовал программу реформ и антиреволюционных действий, которую правительство начало реализовывать в междодумье. Во исполнение этой программы Совет министров издал 60 постановлений. В них, а также в некоторых других актах содержался целый пласт преобразований, получивший название столыпинских реформ (18 временных законов)*. Многие эти меры упоминаются в публикуемых статьях.

Прежде всего это, конечно, аграрная реформа П. А. Столыпина (7 постановлений). После реформы 1861 г., давшей крепостным крестьянам личную свободу и уравнявшей их с другими категориями крестьян, в основу организации деревни была положена община — как административная единица и собственник надельной земли (ей принадлежало порядка 80 % всей надельной земли). Несмотря на колоссальные трудности, прежде всего бедность, шло медленное увеличение крестьянского землепользования (с середины 1870-х гг. до 1905 г. — на 20 млн десятин). Но население деревни увеличилось за эти годы почти на 30 млн человек (с 1863 по 1897 г. — на 26,3 млн). Следствие — аграрное перенаселение. Уменьшение среднего размера надела, сохраняющиеся переделы участков в рамках общины, наконец, падение мировых цен на хлеб в 1880 — начале 1890-х гг., — все это не давало развиваться агрокультуре, обрекало многих крестьян на нищету. Крайним выражением проблемы явился голод

* См.: Дякин В.С. Чрезвычайно-указанное законодательство в России (1906–1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. Л., 1976. С. 248; Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров в 1905–1907 гг. М., 1982. С. 139–141.

1891–1892 гг., унесший жизни до 350 тыс. человек. Наконец, разступивший кризис выразился в крестьянских волнениях 1902–1903 гг. в Полтавской и Харьковской губерниях — следствие недорода и накопившегося социального недовольства. Невозможно было решить аграрный вопрос конфискацией и разделом помещичьей земли, как это предлагали разнообразные революционные партии. Помещичьи владения к 1905 г. составляли около 53 млн десятин (менее 15 % всей пригодной для сельского хозяйства). Полная их конфискация и раздача увеличили бы крестьянское землевладение не слишком значительно, нерешенная же проблема аграрного переселения в несколько лет поглотила бы эту добавку.

Правительство П. А. Столыпина однозначно заявило о недопустимости такого «решения» аграрного вопроса. Грядущая реформа в правительстве понимании состояла из нескольких блоков. Главный из них — меры по расширению крестьянского землепользования. 12 августа 1906 г. указ Николая II возвестил о передаче Крестьянскому банку удельных земель для продажи их крестьянам. Удельные земли принадлежали царской фамилии и управлялись Министерством двора (в его составе существовал специальный Департамент уделов). Таких земель в Европейской части России насчитывалось примерно 1,9 млн десятин, но почти 90 % их и так уже были сданы в аренду крестьянам. 27 августа последовал указ о порядке продажи казенных земель (7 млн десятин, 86 % из них также использовалось крестьянами), цена на них устанавливалась как капитализированная арендная плата*. 19 сентября царь распорядился отдать для раздачи кабинетские земли на Алтае**. Кабинетские земли принадлежали непосредственно семье самодержца. Всего колонизационный фонд на Алтае насчитывал до 5 млн десятин, но 60 % из них требовалось для устройства уже имеющегося там старожильческого населения и только 40 % (примерно 130 тыс. душевых наделов) подлежали распределению среди новых поселенцев***. Всего, по оценке современника, Крестьянский банк получил в общей сложности 9 млн десятин (и еще 2 млн было куплено им у помещиков)****. Конечно, это не решало проблему малоземелья,

* См.: Брянчанинов А.Н. Междодумье. Вып. 1. Сборник материалов для характеристики политического положения перед созывом второй Думы. С. 218–219.

** См.: Особый журнал Совета министров «По делу о передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия для образования переселенческих участков» 1 сентября 1906 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 год. С. 139–141.

*** См.: Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 315.

**** См.: Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. London, 1991. С. 132–133.

но в тех условиях правительство не могло сделать больше, чтобы увеличить крестьянское землепользование.

Другая группа мер касалась изменения правового положения крестьянского сословия. 5 октября 1906 г. Николай II подписал указ, снимавший целый ряд ограничений правового статуса крестьян. В частности, им была дана возможность без ограничений поступать на государственную службу, свободно выходить из сельских обществ, выбирать место жительства, они окончательно и повсеместно освобождались от круговой поруки*. 19 октября 1906 г. Крестьянский банк получил разрешение выдавать ссуды под надельные земли. За этим вроде бы незначительным решением скрывалась целая революция в земельном праве: надельные земли фактически приравнивались к частной собственности. В развитие этой меры 15 ноября был разрешен залог надельных участков**. И наконец, самый известный акт — указ 9 ноября 1906 г. об облегчении выхода крестьян из общины с землей, который чаще всего и называется столыпинской аграрной реформой***. Благодаря ему каждый домохозяин получал право в любой момент выйти из общины и укрепить в собственность свой участок мирского надела, а также требовать выделения своей земли к одному месту (отруб). Власть, таким образом, стала относиться к общине не только как к землевладельцу, сколько как к административной единице. Конечной целью реформы было расселение деревни на свои наделы, то есть создание хуторов. Замысел состоял в том, чтобы решить проблему крестьянского малоземелья интенсификацией хозяйства и параллельно укрепить в деревне чувство частной собственности.

Составной частью аграрной реформы П. А. Столыпина была организация массового переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Переселение крестьян в России в массовом порядке шло со второй половины XIX в. Оно было связано как с аграрным перенаселением в Европейской части империи, так и с необходимостью заселить русскими вновь приобретенные земли (Приморский край). Правительство слабо контролировало этот процесс, целенаправ-

* См.: Именной высочайший указ «Об отмене некоторых ограничений в правах селских обывателей и лиц других бывших податных состояний» 5 октября 1906 г. // За конодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. / Под ред. Н. И. Лазаревского. 3-е изд. СПб., 1909. С. 412–419.

** См.: Брянчанинов А.Н. Междодумье. Вып. 1. Сборник материалов для характеристики политического положения перед созывом второй Думы. СПб., 1907. С. 111–114.

*** См.: Именной высочайший указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» 9 ноября 1906 г. // Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. С. 452–467.

ленные меры применялись лишь для укрепления границ по Амуру и в Приморье с помощью казаков. Массовые масштабы переселение приняло в 1880-х гг.: в 1881 г. прошло в Сибирь 36 тысяч, в 1882 г. — 38 тысяч душ и т. д. 13 июня 1889 г. был, наконец, принят переселенческий закон, разрешавший крестьянам с согласия министров внутренних дел и государственных имуществ отправляться за Урал, причем место переселения определяло правительство. Но несмотря на столь бюрократические условия, в 1890-е гг. число переселенцев стало достигать 100 и более тыс. человек в год. Поток поселенцев резко вырос в связи со строительством Сибирской железной дороги, стартовавшем в 1891 г. В общем за 20 лет в Сибирь и на Дальний Восток переселились порядка 2 млн человек, а в 1906–1913 гг. за Урал перешли 2792,8 тыс. человек. То есть при П. А. Столыпине темп вырос в три-четыре раза.

Но покинувшие свои места жительства составили менее 20 % естественного прироста населения, т. е. проблема лишних рабочих рук и нехватки земли в Европейской части России была несколько ослаблена, но не решена.

В 1908 г. появился даже «столыпинский вагон» — товарный вагон, приспособленный для переселения крестьян. С торцов находились подсобные отсеки, где размещался сельскохозяйственный инвентарь и скот. Советская власть использовала эти вагоны для перевозки заключенных.

Аграрная реформа сразу вызывала к жизни активную полемику в печати, продолжавшуюся все время ее проведения. Разумеется, левая печать резко критиковала правительство, правая — в основном поддерживала премьера. Шкалу оценок и аргументы как критиков, так и сторонников реформы можно легко проследить в публикуемых в настоящей книге статьях различных авторов. Не разбирая детально их аргументы, нужно отметить несомненную ангажированность, их пристрастность, искусственность многих аргументов, а иногда и прямо противоречивость. Особенно показательна позиция Л. Н. Толстого, выраженная в письмах к П. А. Столыпину (см. в настоящем издание). Великий писатель говорил с главой правительства не языком аргументов, а захлестывавших разум эмоций. К сожалению, такая позиция была весьма характерна для публицистики того времени, а затем перекочевала и в советскую историографию.

Аграрная реформа, по замыслу П. А. Столыпина, должна была сопровождаться серией других, не менее существенных преобразований: местной власти и самоуправления, суда, образования и др. Губернская реформа, начатая еще В. К. Плеве, должна была завершиться существенными изменениями в местной власти. Пра-

вительство предполагало значительно усилить власть губернатора, превратить его в действительного «хозяина губернии», фактически устранив его зависимость от всех ведомств и оставив только прямое подчинение МВД*. По аналогии с губернией реформировался и уезд: учреждалась должность начальника уезда и уездный совет**. Недовольным новыми преобразованиями было прежде всего дворянство, так как власть на уездном и более низких уровнях переходила из рук уездного предводителя дворянства и земских начальников в распоряжение чиновников, а для них не устанавливается ни сословный, ни имущественный цензы. Систему земских учреждений предполагалось дополнить сельским и волостным уровнем с заменой сословного принципа на низкий имущественный ценз***. Кроме того, готовились законопроекты о реформе полиции, местного суда и др. Часть их не была принята по статье 87-й в междудумье, а разрабатывалась и постепенно предлагалась Думе начиная со второго созыва.

Большая группа мер была предназначена для борьбы с революцией. Используя статью 87-ю, Совет министров утвердил новые, увеличенные штаты полиции в 19 крупных городах и 4 губерниях и добавил к финансированию 20 млн рублей****.

Не все меры, задуманные П.А. Столыпиным, получили осуществление в междудумье. Одной из ощутимых неудач премьера стала попытка решить еврейский вопрос в России. Для власти его острота состояла прежде всего в том, что иудеи составляли значительный процент революционеров, легко шли в антиправительственное движение. Несмотря на то что манифест 17 октября провозгласил гражданские свободы для всех верноподданных империи, правительство не отважилось отменить все ограничения евреев, а предложило лишь смягчить их. По-прежнему сохранялась черта оседлости и запрет на приобретение крестьянских земель*****. Но даже такое частичное ре-

* См.: Записка П. А. Столыпина в Совет министров «Об установлении главных начал устройства губернских учреждений» 7 января 1907 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 18. Л. 41–53; Брянчанинов А.Н. Междодумье. Вып. 1. Сборник материалов для характеристики политического положения перед созывом второй Думы. С. 163–165.

** См.: Брянчанинов А.Н. Междодумье. Вып. 1. Сборник материалов для характеристики политического положения перед созывом второй Думы. С. 166–168.

*** См.: Дякин В.С. Столыпин и дворянство (провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 241–245.

**** См.: Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров в 1905–1907 гг. С. 143–144.

***** См.: Особый журнал Совета министров «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев» 27 и 31 октября, 1 ноября 1906 г. // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. Ч. IV. М., 1982. С. 741–801.

шение не устроило Николая II и он отказал премьеру: «Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя»*. Неожиданно проявившаяся настойчивость «внутреннего голоса» самодержца, возможно, была связана с активной кампанией черносотенцев против еврейского равноправия. Благодаря усилиям В. М. Пуришкевича и его соратников в середине ноября 1906 г. Николай II только за один день получил 205 телеграмм по этому поводу. Но значение поступка царя не в том, что приободрившись такой поддержкой по телеграфу, он осмелел и решил не уступать больше. Позиция Николая II свидетельствовала, что страх самодержавия перед революцией начинает проходить, и чем дальше он отступал, тем сильнее становилось сопротивление столыпинским реформам и тем труднее было премьеру настаивать на своих проектах. В конечном счете это не позволило осуществить большую часть намеченных во второй половине 1906 — начале 1907 г. преобразований.

К 20 февраля 1907 г. — дню открытия II Думы — правительство подготовило для внесения в нее обширный список законопроектов. В него вошло несколько десятков документов, причем среди них были такие серьезные, как о преобразовании местного управления, местного суда, вероисповедные законы и т. д.

Начало работы второго созыва народного представительства стало вообще бенефисом главы кабинета. Правительственная декларация П. А. Столыпина 6 марта 1907 г., зачитанная в зале дворянского собрания, произвела ошеломительный эффект**. «Премьер читал декларацию спокойно, громко, подчеркивая каждую фразу. В середине его высокий голос упал, но затем опять поднялся и звучал громко уже до самого конца»***. Перед депутатами была представлена масштабная картина необходимой законодательной работы. «В ней не было ни единого слова, которое могло бы Думу задеть, она говорила не о “прошлом”, а только о предстоящей правительству с Думой работе. Все, что могло разделять правительство с Думой, было благоразумно оставлено вне декларации»****. Законопроекты объединяла одна мысль — зафиксировать права подданных в России и этим дать возможность защищать их.

* Николай II — П. А. Столыпину 10 декабря 1906 г. // Красный архив. 1924. № 5. С. 105.

** См.: Государственная дума. Стенографический отчет. Сессия 2. Т. 1. Стб. 106–120.

*** Цитрон А. 103 дня второй Думы. СПб., 1907. С. 34.

**** Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. С. 86.

«Преобразованное по воле монарха отечество наше,— согласно словам П. А. Столыпина,— должно превратиться в государство правовое, так как пока писаный закон не определяет обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, т. е. не будут прочно установлены» *. Несмотря на то что большинство в Думе представляло, о чём будет говорить премьер, многие депутаты тем не менее оказались ошеломлены. Кадеты вообще отказались от ответа П. А. Столыпину, что было не лучшим решением.

Главным оппонентом правительства выступил социал-демократ И. Г. Церетели. Суть его выступления — это призыв к революции. «Мы говорим: в единении с народом, связавшись с народом, законодательная власть да подчинит себе власть исполнительную» **. Революционная партия, верная своей программе, пыталась сделать из Думы запал, с помощью которого хотела вдохнуть новый огонь в затухающий костёр революции.

Ответ П. А. Столыпина революционерам был блестящ и по форме, и по содержанию. «Господа, я не предполагал выступать вторично перед Государственной думой, но тот оборот, который приняли прения, заставляет просить меня вашего внимания. Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях Государственной думе будет держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы... Я им пользоваться не буду».

«В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление; эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич воли и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: “руки вверх”. На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием,

* Государственная дума. Стенографический отчет. Сессия 2. Т. 1. Стб. 107.

** Там же. Стб. 126.

с сознанием своей правоты, может ответить только двумя словами: “не запугаете”» *.

Однако наладить сотрудничество правительства с Думой не удалось. Публицистика обвинила в этом преимущественно кабинет, не обращая внимания на то, что народное представительство представляло собой революционный орган, нацелившийся, как и I Дума, на изменение государственного строя. Требовать от царского правительства, чтобы оно пошло навстречу таким целям по меньшей мере странно. Законодательный же процесс продолжал стоять. Необходимо было как-то решить этот затор.

Опыт I Думы говорил о том, что шансы найти общий язык с таким представительством для правительства крайне малы. После примерно двухмесячных дискуссий в правительстве, к середине мая П. А. Столыпин определился: Думу надо распускать досрочно в ближайшее время. Однако повторение сценария 9 июля 1906 г. не имело смысла: следующий состав народного правительства не обещал изменения ситуации. Поэтому царь и премьер пришли к выводу о необходимости смены избирательного закона, чтобы сделать состав Думы более умеренным. Согласно Основным законам, на это требовалось одобрение Думы и Государственного совета. Надежды на это, разумеется, не было. Оставалось нарушать основные законы, то есть провести государственный переворот. Эта мера впоследствии также стала одним из основных пунктов упреков в адрес П. А. Столыпина. Однако следует признать, что иные пути решения неизбежно вылились бы также в государственный переворот, но с другим знаком — установление в России настоящего конституционного правления с ответственностью правительства перед народным представительством. Разумеется, Николай II предпочел первый из них.

Государственный переворот 3 июня 1907 г.

Либеральная и левая публицистика обвиняла П. А. Столыпина в провокации, после которой у премьера появился повод распустить II Думу. Это было связано с деятельностью социал-демократической фракции в народном представительстве, которая использовала думскую трибуну для организации антиправительственного движения и подготовки революции.

29 апреля 1907 г. состоялось собрание революционно настроенных солдат Петербургского гарнизона, решившее составить пе-

* Там же. Стб. 167–169.

тицию в адрес социал-демократической фракции Думы. На этом собрании присутствовала Е. Шорникова, состоящая осведомителем в охранке. Она не только принимала участие в редактировании петиции, но и доставила ее копию своему начальству. Начальник Охранного отделения генерал А. В. Герасимов немедленно доложил об этом П. А. Столыпину. Премьер решил, что такая петиция допущена быть не может и следует провести аресты, даже если это вызовет конфликт с Думой. Само по себе решение главы правительства о немедленном пресечении политической деятельности в армии, да еще и революционного характера, вполне понятно и законно. Но вот далее, когда полиция вместо ареста инициаторов петиции не только стала ждать, когда они придут в социал-демократическую фракцию, но и сама, с помощью агентов, готовила эту встречу, с этого момента начинается провокация, неприемлемая для борьбы с любыми врагами строя.

5 мая 1907 г., когда депутация от солдат явилась на квартиру депутата И. П. Озоля, где размещалась социал-демократическая фракция, охранка решила действовать. Но почему-то промедлила, когда полицейские ворвались в квартиру, солдаты уже успели покинуть ее. Вышла заминка, обыск начался часа через два, за это время находившиеся в квартире члены Думы успели уничтожить массу улик, в том числе и злополучную петицию. Однако и оставшихся хватило, чтобы с уверенностью констатировать конспиративную работу фракции, а копия текста петиции была взята у Е. Шорниковой. Однако главные доказательства выглядели небессспорно. 7 мая в Думе был сделан запрос по поводу обыска на квартире депутата И. П. Озоля. Дело в том, что закон не запрещал полиции делать обыски, в том числе и депутатов Думы, но вот задержать их во время сессии можно было только с согласия Думы. Между тем у И. П. Озоля находились 35 депутатов, их продержали на квартире 5 с половиной часов и только потом отпустили. П. А. Столыпин обещал расследование, но сразу заявил, что ничего незаконного полицией сделано не было.

Глава кабинета и министр юстиции И. Г. Щегловитов решили воспользоваться поводом и потребовать от Думы выдать социал-демократов для немедленного ареста, а в случае отказа, на что они и надеялись, распустить Думу. Одновременно правительство обсуждало варианты изменений в избирательный закон. Министры в итоге приняли вариант, получивший название «бесстыжего», наверное, за то, что в нем при сохранении основ системы выборов «торжество консерватизма» бесцеремонно обеспечивалось необоснованным преобладанием землевладельцев в губернском собрании.

1 июня П. А. Столыпин потребовал, чтобы заседание Думы было объявлено закрытым и ему предоставили слово для срочного заявления. «На трибуне появилась высокая и мрачная фигура Столыпина, с бледным лицом, темною бородою, кроваво-красными губами. Своим металлическим голосом он доложил Думе, что прокурор Петербургской судебной палаты доложит решение судебного следователя о привлечении некоторых членов Думы к суду. За ним поднялся на кафедру прокурор Петербургской судебной палаты Камышанский и прочитал печатное постановление судебного следователя, тут же разданное членам Думы, о привлечении 55 членов Думы к следствию, а также поднимал вопрос об устраниении их из состава Думы»*. Устранение из состава означало, что депутаты социал-демократической фракции могли быть немедленно арестованы. Дума взяла время на размышление, но никакого решения принять не успела.

П. А. Столыпин еще искал возможности сохранить народное представительство, но 2 июня вечером царь написал ему письмо: «Я ожидал целый день с нетерпением извещения вашего о совершившемся распуске проклятой Думы. Но вместе с тем сердце чуяло, что дело выйдет не чисто и пойдет взятажку. Это недопустимо. Дума должна быть завтра, воскресенье утром, распущена. Твердость и решимость — вот что нужно показать России. Разгон Думы сейчас правилен и насущно необходим. Ни одной отсрочки, ни минуты колебания! Смелым Бог владеет!»**

Через несколько дней после распуска II Думы было опубликовано новое положение о выборах в народное представительство. Николай II и П. А. Столыпин сделали это в нарушение Основных законов Российской империи. Согласно им, положение о выборах должно было пройти обсуждение и утверждение сначала в Государственной думе, а затем в Государственном совете. Этого сделано не было, так как не приходилось сомневаться: Дума ни за что бы не согласилась изменить избирательный закон на нужных для правительства условиях. Выход из законодательного тупика нашли в виде прямого царского распоряжения. Власть убеждала всех, что действия царя законны, общество же в большей части и многие правоведы склонялись к тому, что это — государственный переворот. Но как бы то ни было, новый избирательный закон существенно изменил лицо Государственной думы.

* Из записок председателя II Государственной думы Ф. А. Головина // Красный архив. 1931. № 6 (43). С. 61.

** Цит. по: Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 408–409.

Сохрания принципы построения прежней избирательной системы, оно внесло в нее существенные перемены. Прежде всего, было сокращено общее число депутатов Думы с 524 до 442. Уменьшилось и число выборщиков. Если по закону 11 декабря 1905 г. их насчитывалось по разным губерниям от 32 до 225, то после 3 июня 1907 г.— от 27 до 158. Единая прежде городская курия была поделена на два разряда. В первый вошли владельцы недвижимости, обложенной земским сбором в 1000 и более рублей в городах с населением более 20 тыс. человек и губернских центрах, в остальных городах — 300 и более рублей. Во второй разряд были отнесены все остальные, имевшие избирательное право по закону 11 декабря 1905 г. и сохранившие его после «разъяснений» Сената летом-осенью 1906 г. Горожане — крупные собственники избирали 788 выборщиков (15,1 %). В среднем на город приходилось сто таких избирателей, «давно знакомых между собой». Даже в Москве «второразрядных» было всего 6674 человека. От съезда «второразрядных» избиралось 590 выборщиков (11,2 %).

Другим важным изменением в избирательном законе стало перераспределение пропорций между куриями. Землевладельцы увеличили свое представительство в полтора раза и получили почти абсолютное большинство в собраниях выборщиков (49,6 % вместо 32,7 %), доля горожан чуть-чуть выросла с 22,5 до 26,3 % (15,1 % на долю первого съезда и 11,2 % на второй), число выборщиков — крестьян было уменьшено более чем в два раза, у них осталось всего 22 %. Рабочие сохранили свои 2 с небольшим процента.

Наилучшей характеристикой нового избирательного закона служат слова его автора С. Е. Крыжановского: «Главная задача времени была создать Думу уравновешенную и государственную, а для этого приходилось вылавливать из современного общества чуть ли не по кручинке тех немногих лиц и начала, которые были способны к этому делу. И в этом отношении закон вполне достиг своей цели. Он дал земскую Думу, то есть приближенную к тому составу, который преобладает в земских собраниях; вместе с тем и неимущие, и интеллигенты, и рабочие не лишены были возможности отвести в Думе душу» *.

* Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 128.

П. А. Столыпин и III Дума: положительный опыт

Как бы ни оценивала публицистика насильственное изменение избирательного закона и роль в этом П. А. Столыпина, его несомненной заслугой стало создание работоспособного контакта между нижней палатой и правительством. Разумеется, с помощью формирования в Думе проправительственного большинства.

154 депутатских мандата получила на выборах в III Думу партия «Союз 17 октября» (34,84 %). За этим успехом стояла поддержка правительства и сдвиг массового сознания в стране вправо. Справа от октябристов 70 мест завоевали умеренно правые (15,84 %) и 26 (5,88 %) — националисты. Всероссийский национальный союз — партия, формально созданная в начале 1908 г. в Петербурге уже после начала работы III Думы и опиравшаяся в основном на поддержку землевладельцев юго-западных губерний империи, где были сильны националистические настроения. В Думу ее сторонники прошли в основном как умеренно правые. Националисты, признавая существование самодержавия вместе с представительными институтами, дополняли свою программу лозунгом «Россия для русских» (понимая под последними всех приверженцев русской культуры и власти). Именно они вместе с октябристами и составили правительственные большинство в Думе. Кадеты уменьшили свое представительство опять почти в два раза, но по-прежнему оставались самой крупной оппозиционной фракцией и самой яркой по подбору ораторов, объединив 54 депутата (12,22 %). Впервые в Думу наконец попал их лидер П. Н. Милюков. Крайне правые со своим 51 мандатом (11,54 %), а также представители революционных партий (социал-демократы — 19 (4,3 %), трудовики — 14 (3,17 %)) могли, как правило, надеяться только на то, чтобы озвучивать собственную позицию.

Аграрная реформа П. А. Столыпина, о которой говорилось выше и которая стартовала еще до созыва III Думы, должна была, по замыслу премьера, сопровождаться целым рядом других мер, призванных разрядить существовавшее в империи напряжение и не допустить следующей революции. Как бы сейчас не превозносили столыпинскую программу реформ (а она действительно была), следует признать, что вслед за ее аграрной частью, оформленной первоначально преимущественно в виде высочайших указов с использованием статьи 87-й Основных законов, другие преобразования «не пошли».

Из них более или менее успешно удалось провести лишь преобразование местного суда, подготовленное в основном до П. А. Столыпина. Законопроект о местном суде был внесен И. Г. Щегловитовым

еще в I Думу, но его рассмотрение состоялось лишь в третьей. По замыслу правительства, все инстанции местного судопроизводства вроде земского начальника упразднялись, на их место приходил общий для всех сословий суд в лице единственного мирового судьи. В качестве второй инстанции создавался городской или уездный суд как низший уровень окружного суда.

В ходе прений правительство открыто провозгласило связь местного суда с аграрной реформой: крестьянину-хозяину следовало обеспечить судебную защиту. «Крестьянский волостной суд решал бы конфликты выделяющихся на отруба и общинников по нормам обычного права, т. е. в пользу последних. Переход к писаному праву обеспечивал интересы собственника»*. Интересно, что на сторону реформы, кроме октябристского центра и националистов, встали кадеты, а против оказались правые, небезосновательно усматревшие в ней наступление на позиции дворянства. После длительных и бурных обсуждений в III Думе (для обсуждения законопроекта в трех чтениях понадобилось 22 заседания) было решено вернуться к порядку, предписанному судебными уставами 1864 г.: вторую инстанцию для местного суда образовать как съезд мировых судей. Свои изменения в законопроект внес и Государственный совет, не отклонив законопроект целиком вопреки надеждам правых. В частности, он высказался за реанимацию волостного суда, но как части общих судебных установлений империи и с уменьшенной компетенцией. Она сохранялась в отношении мирского имущества, а также по правонарушениям, ответственность за которые не превышала ареста на один месяц или штрафа в 100 рублей. Критика столыпинского законопроекта справа в верхней палате была сильной, он прошел лишь благодаря тому, что среди оппонентов не сложилось единого мнения по отношению к различным частям реформы. Поправки Государственного совета обсуждались в согласительной комиссии и были вынесены в общее заседание Думы во второй половине мая 1912 г. Палата приняла идею восстановления волостного суда, упраздненного в 1889 г. в связи с созданием института земских начальников, а также еще несколько сократила его компетенцию. Николай II подписал законопроект, прошедший Думу, 15 июня 1912 г. Несмотря на все ограничения, новый закон тем не менее двигал «сельскую юстицию» в направлении к общеправовому строю в империи. А главное, на местах суд становился бессословным и не зависящим от сельских обществ. Это была существенная поддержка столыпинской аграрной реформы.

* Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 608.

Еще один важнейший пакет законов — вероисповедальные, призванные либерализовать отношения вокруг веры и церкви, — стал иллюстрацией того, как столыпинские реформы сворачивались. В 1906 г. МВД было готово признать внеконфессиональный статус подданных (право на атеизм) и гражданский брак. Ко времени III Думы радикализм ведомства заметно поубавился. В 1909 г. Дума приступила к рассмотрению правительственных законопроектов о переходе в другое вероисповедание, об отмене ограничений при снятии сана и о старообрядских общинах, внесенных еще в конце 1907 г. Это была лишь самая безобидная часть более обширного законопроекта об отмене всяких ограничений тех, кто принадлежал к инославным исповеданиям, который так и не стал предметом рассмотрения в Думе, так как был взят правительством обратно. Самое интересное состоит в том, что представители правительства (С. Е. Крыжановский) и Синода выступили против ряда пунктов правительственных законопроектов, в частности против разрешения старообрядцам свободы проповедования. В мае — начале июня 1909 г. эти три законопроекта прошли Думу, но они значительно отличались от первоначальной программы. В законопроекте, касающемся тех, кто добровольно снял с себя сан, Дума сняла еще некоторые ограничения для лиц, вышедших из духовенства или монашества, констатировав, что они получают практически все права, которые имели до получения сана либо принятия пострига. Государственный совет внес изменения в законопроект, также, впрочем, незначительного характера. Согласительная комиссия 31 января 1911 г. единогласно их одобрила, и 1 апреля 1911 г. Дума вновь приняла законопроект. Однако он так и не стал законом, так как Николай II отказался его подписать.

Правительственный законопроект, предусматривающий возможность смены веры, допускал лишь переход из нехристианских в христианские конфессии, а также из одной христианской в другую. Возможность расстаться с христианством вообще в нем не предусматривалась. Дума в ходе обсуждения этого законопроекта в конце мая — начале июня 1909 г. разрешила такой переход, однако Государственный совет вернулся к правительльному варианту, даже несколько усилив его ограничения. Согласительная комиссия к консенсусу не пришла. Так был похоронен один из ключевых столыпинских вероисповедальных законопроектов, призванный реализовать хотя бы частично принцип свободы совести, обещанный манифестом 17 октября 1905 г.

И наконец, проект правил о старообрядческих и сектантских общинах, принятый правительством по статье 87-й Основных законов,

после рассмотрения в специальной комиссии обсуждался Думой в середине мая 1909 г., и по докладу редакционной комиссии 2 июня 1909 г. Дума внесла в правительственный вариант существенные поправки. Главные из них состояли в том, что старообрядцам была разрешена свобода проповеди, а порядок создания новых общин носил заявочный, а не разрешительный характер. Также были усложнены основания, по которым власть могла закрыть общину. Государственный совет отклонил одну из существенных поправок Думы — о свободе проповеди. Согласительная комиссия не пришла к единому мнению, это похоронило законопроект.

Вероисповедальные законопроекты правительства в миниатюре повторили судьбу всех столыпинских преобразований. Столкнувшись с сопротивлением правых и иерархов Православной церкви, кабинет сам стал сдавать назад. Так, осенью 1909 г. из Думы были взяты назад законопроекты об отношении к отдельным исповеданиям и о смешанных браках. Государственный совет продемонстрировал, что он является надежным барьером, чтобы не допускать сколько-нибудь заметных послаблений в вопросах веры. Когда же «звездная палата» оказалась недостаточно правой, в защиту архаичных вероисповедальных ограничений выступил Николай II. Их совместными усилиями законодательная программа, предусматривавшая реализацию принципов манифеста 17 октября 1905 г. в делах веры, в большей части была отвергнута.

Единственным примером успешного прохождения через палаты стали националистические законы (Польша, Финляндия), которые не всегда относят к программе столыпинских преобразований. Однако они вполне соответствовали его взглядам и отражали давние намерения власти.

Законы, призванные ввести Финляндию в общеимперский порядок, обещали укрепить управление империей, унифицировать его, поэтому их нельзя оценивать однозначно негативно. Но применительно к Финляндии это оказалось торжеством националистической политики, всецело разделаемой лишь правыми и националистами. В полиэтнической империи националистическая политика является крайне опасной, способной дать лишь кратковременный эффект, обремененный будущим обострением национальных проблем. В итоге так и случилось, но уже после Столыпина.

Финляндия, вошедшая в состав Российской империи по результатам русско-шведской войны 1808–1809 гг., всегда имела особый автономный статус. Александр I сохранил финляндскую конституцию, сенат, сейм (сословное представительство). Фактически российский император управлял Финляндией на правах

конституционного монарха. Последующие самодержцы неизменно подтверждали права финнов на автономию и не пытались всерьез пересмотреть статус Финляндии. Наступление на финскую автономию началось с 1890 г., но особенно развернулось на рубеже XIX–XX вв. Объективно для этого был повод: Финляндия стала удобной базой для русских революционеров. Борьба с автономией связана с именем Н. И. Бобрикова, финляндского генерал-губернатора в 1898–1904 гг. Н. И. Бобриков ликвидировал самостоятельные финские вооруженные силы (1901 г.), повел энергичную русификацию местной администрации (1902 г.) и образования, ввел русский язык в делопроизводство. Но главное — манифестом 3 февраля 1899 г. вводился новый порядок решения «общегосударственных дел». Согласно ему, окончательное решение по ним принимал Государственный совет России, а роль сейма сводилась к чисто совещательной. Получалось, что манифест фактически упразднял финляндскую конституцию.

Первая русская революция положила конец походу против Финляндии: 22 октября манифест Николая II приостановил действие манифеста 3 февраля 1899 г. и отменил антифинляндские меры «эпохи Бобрикова». Однако период послаблений продолжался недолго. В октябре 1907 г. специально созданное межведомственное совещание занялось подготовкой законопроектов, касающихся Финляндии. В 1908 г. финляндские дела начали обсуждаться в Совете министров, в 1909 г. опять пошла русификация административного аппарата. Апогеем нового наступления стали антифинляндские законы 17 июня 1910 г. и 20 января 1912 г.

Закон о порядке издания нормативных актов общеимперского значения, касающихся и Финляндии, был внесен в Думу по высохшему распоряжению 14 марта 1910 г. Суть закона состояла в том, что отныне все дела, касающиеся не только Финляндии, но и других частей империи, должны были утверждаться обычным порядком. В тех вопросах, которые затрагивали исключительно финнов, следовало получить заключение сената либо сейма, причем это заключение носило лишь рекомендательный характер. В ходе думского обсуждения наблюдалось нечастое единодушие депутатов от октябристов до крайне правых. В связи с этим законопроектом их было трудно отличить друг от друга, с таким энтузиазмом депутаты этих фракций соревновались в националистической риторике. Народные избранники не внесли в документ принципиальных изменений, лишь сделав обязательным истребование заключения финляндского сейма или сената (но не обязательно было считаться с ними). Также некоторые уточнения были внесены в порядок

участия финских представителей в Государственном совете и Думе. Уже 31 мая 1910 г. законопроект был передан в Государственный совет, а 17 июня подписан царем.

Второй закон — об уравнении в правах с финляндскими гражданами других русских подданных — поступил в Думу 12 ноября 1910 г. Он провозглашал полное равноправие финнов и остальных подданных империи. Обсужденный в комиссии, он был передан в общее собрание 15 декабря 1910 г., но принят оказался лишь через год, 9 декабря 1911 г. Николай II подписал его 20 января 1912 г. Нельзя сказать, что этот закон только ущемлял права финнов. Он демонстрировал, что Финляндия — часть единого правового пространства Российской империи. В перспективе это означало, что все законы Российской империи, касающиеся положения подданных, будут распространены и на великое княжество Финляндское. В принципе это был еще один серьезный удар по началам финской автономии, можно сказать, что она была почти упразднена. Какими бы благими намерениями не объяснялись тогда эти действия, они привели к тому, что спокойная когда-то Финляндия превратилась в начале XX в. в еще один очаг недовольства самодержавием. П. А. Столыпин всецело разделял эту политику, но все-таки следует заметить, что ее инициатором и главным дирижером был Николай II.

Он же ответственен за подготовку и принятие еще одного националистического законопроекта — о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского. Обстоятельства его появления были плохо известны в современной П. А. Столыпину публицистике и более поздней историографии. Исследователи, как правило, основывались на мемуарах холмского епископа Евлогия, изданных впервые в Париже в 1947 г. Действительно, он стал инициатором превращения нескольких восточных уездов Седлецкой и Сувалкской губерний с преобладающим украинским населением в самостоятельную губернию в 1905 г. Однако проблема эта имела немалую предысторию, не освещенную в воспоминаниях епископа.

Вопрос о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского впервые поднял еще в начале 1880-х гг. Н. П. Игнатьев. Затем об этом же заговорил К. П. Победоносцев. Наконец, в 1896 г. мысль о Холмской губернии получила одобрение Николая II. Однако Особое совещание, созванное по этому вопросу в 1902 г., отклонило идею, а Совет министров 4 апреля 1906 г. не смог прийти к определенному мнению. Однако Николай II 1 июля 1906 г. поручил кабинету вновь вернуться к этому вопросу и рассмотреть очередную петицию 30 «депутатов Холмского края» о превращении нескольких восточных уездов Седлецкой и Сувалкской губерний с преобладающим

православным населением в самостоятельную губернию. Попытка П. А. Столыпина протестовать успеха не имела. Большую роль в этом сыграли систематические обращения епископа Евлогия, главы созданной в 1905 г. Холмской епархии, неоднократно поступавшие как в Синод, так и самому царю. Разумеется, правительству пришлось подчиниться и признать выделение Холмской губернии неотложным делом. Разработка соответствующего законопроекта потребовала более двух лет. Сама цель — защита православного населения от «полонизации» посредством изменения административного деления — была ложной: все предыдущие успехи в борьбе за «русские начала» в Польше достигались лишь энергичной деятельностью, без выделения новых административных единиц. Тем не менее министерство внутренних дел попыталось придать этому решению хотя бы здравый смысл. П. А. Столыпин предлагал упразднить Седлецкую губернию и создать Холмскую, но уже не в составе Царства Польского (т. е. все особенности польского законодательства на нее не распространялись бы). По свидетельству ближайшего помощника Столыпина С. Е. Крыжановского, «мера эта имела целью установление национальной государственной границы между Россией и Польшей на случай возможного в будущем представления отдельным местностям упомянутой выше самостоятельности в устроении местных дел, которая в применении к Польше могла выразиться в даровании царству автономии. <...> Сообразно этой мысли, при составлении проекта в состав Холмской губернии выделены были лишь местности, в которых население сохранило русский национальный облик и в большинстве было православным на деле, а не только на бумаге, и где, следовательно, при помощи некоторых мер культурно-административных можно было закрепить его связь с Россией. Те же местности, в которых население было ополячено и окатоличено явно или тайно, были оставлены за Польшей. Последовательность требовала, чтобы одновременно с тем к Польше были прирезаны, взамен отделяемых частей Седлецкой и Люблинской губерний, прилегающие части Гродненской губернии, а именно некоторые местности Бельского и Белостокского уездов, населенные поляками, чем достигалась бы основная цель размежевания. Но Столыпин на это не решился, опасаясь подвергнуться нападкам со стороны националистических кругов, которые сочли бы недопустимой уступку Польше земель, официально к ней не приналежавших». Документы подтверждают: ведомство действовало честно, стремилось опираться на максимально надежные данные при разделе. А резать приходилось не только по уездам, — даже по гминам. Однако после внесения законопроекта в Думу 19 мая

1909 г. он был передан в комиссию и вызвал сильную критику со стороны национальной фракции. Депутаты принялись «расширять пределы будущей губернии, включая в состав ее разные местности, связанные с тем или иным историческим воспоминанием, начиная от времен Владимира Святого. И так как на стороне этой мысли стояло большинство членов комиссии, члены же ее поляки заняли в отношении проекта позицию непримиримую вообще, то все предложения принимались. Мне (С. Е. Крыжановскому.— И.Л.) пришлось присутствовать в комиссии, представляя правительство, но так как от Столыпина даны были указания не идти вразрез с желаниями националистов, то приходилось молчать, и в результате намечены были такие границы новой губернии, при которых русское, т. е. православное население оказалось в меньшинстве, не превышавшем 30 %. И так как в составе большинства находились все экономически влиятельные группы и многочисленные в том крае польские помещики, то русское меньшинство было осуждено на постепенное поглощение. Таким образом, весь смысл меры, с какой бы точки зрения на нее не смотреть, сводился на нет, и она как бы выражала собою лишь одно стремление во что бы то ни стало урезать пределы Польши»*.

Общему собранию депутатов доклад комиссии был представлен 7 мая 1911 г. Обсуждение его началось позже, 25 ноября 1911 г. Поучаствовать в прениях пожелали 107 человек (больше ораторов было только по аграрным вопросам). Дискуссия четко определила позиции фракций: в поддержку законопроекта выступили октябрьцы (за исключением небольшой группы) и все, кто был правее их; против — кадеты и другие оппоненты правительства слева. После обсуждения законопроект претерпел ряд изменений, в частности несколько увеличилась территория губернии за счет польских земель, сохранились некоторые особенные законы, новую губернию передали в прямое подчинение министру внутренних дел и некоторые другие. Законопроект прошел Думу 26 апреля 1912 г. большинством в 156 голосов против 108; 4 мая 1912 г. он был передан в Государственный совет, а уже 23 июня 1912 г. утвержден царем. Выделение из состава польских земель новой губернии и ее изъятие из состава Царства Польского означало со стороны как правительства, так и законодательных палат прямой шаг в направлении конфликта с поляками. Разжигание этой вражды нельзя оправдать никакими заботами о русском населении Польши. Столь вызывающая и прямолинейная национальная политика не могла привести к успеху.

* Крыжановский С.Е. Воспоминания. [Берлин, 1938]. С. 133–136.

Курс «национализм вместо реформ» — это закат столыпинского министерства и одновременно тревожный знак кризиса всей третийюньской политической системы.

Сюжетом, мало отраженным в литературе и совсем не затронутым в тогдашней публицистике, является забота П. А. Столыпина о состоянии российских армии и флота. Формально премьер был отсечен от прямого вмешательства в военные дела, министры выходили прямо на Николая II, но было множество смежных вопросов, подведомственных Совету министров, прежде всего финансирование военных программ.

П. А. Столыпин возглавил правительство год спустя после окончания русско-японской войны 1904–1905 гг., выявившей огромные проблемы в организации вооруженных сил. В ходе ее Россия почти полностью потеряла боеспособный флот; требовалась колоссальные усилия по его восстановлению, а также по реорганизации армии. Единой точки зрения на то, как восстановить военную мощь империи, в России не было. Она отсутствовала как в рядах самой власти, так и в законодательных палатах. Так, вопрос о судостроительной программе Морского министерства был предметом серьезного расходления кабинета и III Думы. Народное представительство постоянно стремилось сократить расходы по этой статье (за 5 лет — на 47,9 млн руб.). Не потому, что палата была против программы восстановления флота, а из-за того, что морское ведомство оказалось не в состоянии детально обосновать столь значительные расходы. Со своей стороны П. А. Столыпин вообще возражал против строительства дорогостоящего броненосного флота, предполагая обойтись крейсерами и подводными лодками. Понимая, что первоначальный запрос Морского министерства на 3 млрд рублей непосилен для бюджета, премьер добился сокращения программы в два раза. Но и тогда вопрос о судостроительной программе стал главным пунктом конфликтов и противоречий между самодержавием и народным представительством, причем оппозицию Совету министров в этом вопросе возглавлял лидер октябристов и одно время председатель Думы А. И. Гучков. П. А. Столыпин уговаривал верное ему правительство большинство не голосовать против морской программы, так как ее отвержение станет удобнейшим поводом для досрочного распуска Думы и отставки правительства. Наконец, в июне 1912 г. после длительного и серьезного давления правительства и уже его другого председателя В. Н. Коковцова Дума приняла «Программу усиленного судостроения», правда, пока только в части создания новых кораблей на 421 146 027 руб., рассчитанную на 5 лет. Нижней палате все-таки удалось настоять на том, чтобы

Морское ведомство представило детальную смету постройки каждого корабля.

7 августа 1906 г. премьер-министр П. А. Столыпин предложил военному министру А. Ф. Редигеру представить программу развития ведомства. Военное министерство оказалось застигнутым врасплох: никакой программы на тот момент у него не было. Наконец, в декабре 1906 г. военный министр объявил, что российской армии требуется единовременно 2 133 610 руб. и ежегодно 144 500 руб. Таких денег в бюджете не было. 2 марта 1908 г. Николай II предписал выработать «короткий и ясный» «Общий план обороны государства» на 10 или 20 лет — как проект, который «должен быть неуклонно и последовательно приводим в исполнение». Позднее царь согласился с мнением Совета министров выделить на цели государственной обороны дополнительно на 10 лет 1 413 000 руб. (по Военному министерству — 715 млн, по Морскому — 698 млн). Эти суммы предполагалось изыскать за счет обыкновенных доходов, а точнее, увеличив выручку от казенной продажи питий. Однако эта программа так и не была представлена в Думу, поэтому Военному министерству пришлось довольствоваться ежегодными дополнительными ассигнованиями. При П. А. Столыпине финансирование этой программы велось крайне скрупулезно, не в последнюю очередь из-за неприязненных отношений между министром финансов В. Н. Коковцовым и военным министром В. А. Сухомлиновым. В конечном итоге это стало одной из причин, почему русская армия оказалась недостаточно готовой к началу Первой мировой войны.

Сопротивление столыпинским реформам

После успешного подавления революции и легкого осуществления государственного переворота 3 июня 1907 г. в верхах (имеется в виду, прежде всего, Николай II и его окружение) наступило успокоение. Казалось, что трудности позади, зародилась опасная, но соблазнительная мысль, что можно управлять по-прежнему, а реформы не так уж и нужны. Сначала сопротивление столыпинской программе реформ пошло из дворянских кругов. Созданный в 1906 г. Совет объединенного дворянства встал на страже сословных привилегий, которые серьезно затрагивались в ходе намеченных преобразований. И вот уже участники Совета по делам местного хозяйства, созданного при МВД, резко критируют местную реформу. Дальше — больше. Желанием «сдаться назад» проникся и Николай II. В 1908–1909 гг. он уже размышлял о возможности сокращения полномочий Государственной думы, перераспределения

законодательной власти в свою пользу. Одновременно росло недовольство деятельностью правительства, которое в конце концов вылилось в настоящий правительственный кризис.

Поводом для министерского кризиса 1909 г. послужил проект сметы Морского генерального штаба на 1908 г. на 30 983 руб., внесенный в Думу среди прочих законопроектов 16 ноября 1907 г. Как справка к нему было приложено штатное расписание штаба. 24 мая 1908 г. общее собрание Думы приняло законопроект в первом чтении. Окончательное утверждение закона после постатейного обсуждения состоялось 6 июня 1908 г., а 12 июня он был препровожден из Думы в Государственный совет. Несмотря на то что нижняя палата расширила вопрос сметы до утверждения штатов, в принципе все было по закону. Дума утверждала все штаты, за исключением строевых воинских частей, а Морской генеральный штаб, выделенный в 1906 г. из состава Морского главного штаба, являлся подразделением Морского министерства и, следовательно, входил в общее управление, подведомственное народному представительству. Кстати, ряд сходных по смыслу законопроектов незадолго до этого прошли как через Думу, так и через Государственный совет. Однако на этот раз правые в верхней палате, обвинив правительство и Думу во вмешательстве в дела верховного (т. е. царского) управления, 3 июля 1908 г. настояли на отклонении законопроекта.

П. А. Столыпин пошел на принцип и провел вторично через Думу тот же самый законопроект, после чего добился одобрения его и в Государственном совете. 19 марта 1909 г. Верхняя палата, несмотря на сопротивление правых, приняла этот законопроект при условии, что подобных ему больше не будет. Но и на этот раз он не стал законом, так как документ отказался подписать царь. Это был уже правительственный кризис, так как самодержец не одобрил действия кабинета, им назначенного. Однако естественную просьбу министров об уходе царь отклонил, поручив 27 апреля 1909 г. Совету министров разработать правила утверждения подобных штатов впредь. Правила были оперативно составлены, и 24 августа 1909 г. Николай II подписал их, несмотря на то что они в нарушение Основных законов изымали утверждение штатов Военного и Морского министерств (т. е. нестроевых частей) из компетенции Думы. Кроме того, толковать закон решением Особого совещания, пусть и утвержденного царем, было нельзя. Поэтому поручение Николая II уже было нарушением Основных законов. История первого правительского кризиса кабинета П. А. Столыпина и последовавшее за ним ограничение прав Думы означали, что давление правых начинает приносить первые результаты. Однако кризис 1909 г. не был следствием недовольства

Николая II политикой П. А. Столыпина, по основным вопросам царь солидаризировался с премьером. Свои выводы сделал и П. А. Столыпин: он начал осторожно отодвигаться от октябристов, настаивавших на реформах, подумывая об иной опоре в Думе. В частности, премьер способствовал появлению в 1909 г. национальной фракции, видя в ней свою возможную поддержку в будущем.

Первый правительственный кризис был сигналом того, что борьба в верхах за власть и за выбор политического курса обостряется и позиции П. А. Столыпина не выглядят настолько прочными, как это казалось еще недавно. Последующие события показали, что не только правые, но и опора П. А. Столыпина в Думе — октябристы — выражают все большее недовольство действиями премьера. К началу 1911 г. это вылилось уже в открытую критику правительства в нижней палате.

Одновременно, чувствуя растущее напряжение, оживились всевозможные интриганы. Кроме правых, уже традиционно оппонировавших П. А. Столыпину, засуетился еще один его противник, не занимающий никаких должностей, но имевший влияние благодаря своим знакомствам, князь М. М. Андроников. Он на протяжении нескольких лет всяческими путями, используя слухи и сплетни, пытался дискредитировать П. А. Столыпина. С конца 1910 г. его усилия начали приносить некоторые плоды. Во второй половине ноября 1910 г. князь передал министру двора В. Б. Фредериксу, с которым он уже успел установить отношения, записку, содержащую резкую критику премьера. Политических вопросов в ней было затронуто только два: «Миш-Миш» объявлял неудачей увлечение премьера хуторами и пенял тому на неудачную русификацию Финляндии. Но главную роль играла не политика, а личные выпады против премьера, сформулированные так, чтобы максимально задеть самолюбие царя. Оказывается, П. А. Столыпин «старается укрепить свой собственный quasi-престол, создавая своеобразную династию и обращая свое правительство в подобие “царствующего дома”». М. М. Андроникову удалось найти ключевую фразу, задев самолюбие императора. Когда Николай II путешествовал за границей, якобы «приходилось все чаще и чаще слышать весьма странный в России вопрос: государь еще царствует или отрекся от престола и своим заместителем сделал Столыпина?» Оказывается, премьер своей политикой старается изолировать царя, лишить его возможности проявлять личную инициативу*. Разумеется, запи-

* См.: Записка М. М. Андроникова, б/д [вторая половина ноября 1910 г.] // РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 7. Л. 273–278.

ска со столь «удачными» обвинениями была предана максимальной огласке.

Одновременно усиливались политические трудности П. А. Столыпина. Несмотря на то что в 1910 г. председателем Государственной думы стал его политический союзник, лидер партии октябристов А. И. Гучков, это не привело к ожидаемому результату. Наоборот, из октябристской фракции стали раздаваться все более и более критические замечания в адрес правительства, которое не проводило обещанных и ожидаемых реформ. Оживились и правые, которые строили козни главе правительства преимущественно в Государственном совете. Неожиданно одна из их интриг разрослась до второго настоящего правительственный кризиса.

История его появления такова. В апреле 1909 г. правые подняли вопрос об изменении порядка выборов в Государственный совет от западных губерний. Они хотели вытеснить представителей польских помещиков и заменить их русскими, закрепив соотношение: 6 — от русских и 3 — от поляков. Это требовало учреждения национальных курий. Правые таким образом намеревались убить одним выстрелом двух зайцев: пополнить свои ряды в Государственном совете (пройти оттуда могли только их сторонники), если же правительство откажется удовлетворить их требование, — обвинить его в отсутствии патриотизма. П. А. Столыпин решил маневрировать, не желая раздражать поляков. Учитывая его позицию, комиссия Государственного совета, разрабатывавшая законопроект, предложила как часть его ввести в западных губерниях земство. Она полагала, что преобладание там русскоязычного населения (к которому они относили также белорусов и украинцев) обеспечит нужные результаты в борьбе с «польским засилием»*. Правительство быстро подготовило законопроект о введении земства в западных губерний, особенностью его была ставка на национальные курии, а не на имущественный ценз.

1 июня 1910 г. Дума одобрила этот документ с рядом поправок, в частности, был понижен земельный ценз, что вызвало недовольство правых. Однако в народном представительстве не наблюдалось единого отношения к законопроекту даже в рамках фракций. Его противники находились как среди левых, так и правых. Спорными считались вопросы о куриях и о размере ценза. В Думе считали, что правые Государственного совета провалят законопроект, если из него исчезнут курии. Проправительственные депутаты всю на-

* См.: Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 147–148.

дежду на примирение возлагали на депутатию от киевского и подольского земских комитетов (замещавших земство), которая намеревалась выступить перед правыми и должна была получить перед этим высочайшую аудиенцию*. Казалось, что желаемый результат будет достигнут относительно легко. Николай II заявил депутатии земских комитетов: «Я сделаю все от меня зависящее для того, чтобы вы получили земство, полезное для вашего края и всей России в желаемом вами смысле». Вопрос о судьбе законо-проекта решался на заседании группы правых 26 января 1911 г. Они решили голосовать за переход к постаратейному рассмотрению, т.е. принять законопроект в первом чтении**.

28 января 1911 г. в общем собрании Государственного совета большинство, в том числе и среди правых, выступило за принятие законопроекта. В кулуарах говорили, что Николай II передал через председателя совета М. Г. Акимова свое желание «даровать западному краю земское самоуправление»***. Главным пунктом противоречий был размер имущественного ценза: правые выступали категорически против его понижения****. Но их сил не хватило: 4 февраля 1911 г. Государственный совет принял законопроект в первом чтении, 4 марта началось его постаратейное обсуждение. Казалось, интрига против П. А. Столыпина рушится. Однако лидеры правых (П. Н. Дурново и В. Ф. Трепов) придумали манёвр, чтобы не пропустить законопроект целиком,— выступить вообще против национальных курий, так как сам П. А. Столыпин заявлял, что курии — это центральная часть всего закона. Расчет был прост — эта статья могла пройти лишь голосами правых, так как заведомо против них были поляки, академическая группа и часть центра. Трепов отправился к Николаю II. На встрече с царем 3 марта он соврал, что депутатия, с которой монарх общался в январе 1911 г., состояла из переодетых столыпинских чиновников, а не настоящих земцев. Получалось, что императора обманул,— и кто — П. А. Столыпин, человек, которому он так верил. Николай II «взбунтовался», В. Ф. Трепов получил от него для членов верхней палаты разрешение «голосовать по совести». Это означало, что правым предоставлена возможность отклонить

* См.: Информационный бюллетень Государственной думы. № 30. 24 января 1911 г. // Нестор. 2005. № 7. Технология власти. С. 86.

** Там же. С. 91.

*** См.: Там же. С. 118–119.

**** Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. С. 212–213.

законопроект, а царь отказывается от поддержки правительства. Так начался второй кризис кабинета П. А. Столыпина. В последний момент В. Ф. Трепов еще и объехал многих видных членов Государственного совета, уверяя их, что Николай II уполномочил его заявить о превратном истолковании царских слов председателем «звездной палаты» М. Г. Акимовым. В ночь с 3 на 4 марта состоялась тайная встреча членов правой группы Государственного совета, а 4 марта за курии подали свои голоса 68 членов Совета, против — 92, из них 29 правых*. Отсутствие единогласия даже в рядах правых объяснялось, вероятно, тем, что П. Н. Дурново вызывал у многих из них недовольство, и безусловно заманичивая идея свалить кабинет П. А. Столыпина сразу меркла, как только появлялась перспектива его смены на правительство П. Н. Дурново**.

П. А. Столыпин немедленно подал в отставку. Несколько дней сохранялось неопределенное положение. Николай II сначала был склонен принять ее. Однако за него заступились вдовствующая императрица Мария Федоровна и несколько великих князей. Благодаря их сильному давлению 5 марта Николай отказался от намерения уволить главу правительства, а 11 марта окончательно принял его условия. Они состояли в том, что законопроект о западном земстве должен был немедленно принят по статье 87, для этого на 3 дня распускались обе палаты. Царь также заявил о том, что деятельность Трепова будет расследована и пообещал «нежелательные» для многих членов Государственного совета перемены «в их личном положении», если законопроект вскоре не будет одобрен***. Зачинщики же интриги против него — В. Ф. Трепов и П. Н. Дурново — отправлялись «в отпуск» до конца года, а с 1912 г. удалялись из числа назначаемых к присутствию членов Государственного совета****. Несмотря на то что, по слухам, Николай IIсталсяблагосклоненкП. Н. Дурново*****, молва передавала царские слова: «Я ценю его заслуги, но в этом отношении он по-

* См.: Там же. С. 215–218; Бородин А. П. Государственный совет России (1906–1917). Кирев, 1999. С. 200–202.

** См.: Информационный бюллетень Государственной думы № 110. 5 марта 1911 г. // Нестор. 2005. № 7. Технология власти. С. 118–119.

*** См.: Там же.

**** См.: Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 219–221.

***** См.: Информационный бюллетень Государственной думы. № 135. 15 марта 1911 г. // Нестор. 2005. № 7. Технология власти. С. 129.

ступил неправильно»*. Непоследовательность и нерешительность Николая II объясняются, по-видимому, тем, что у него не было ни утвердившегося представления о необходимости немедленной смены П. А. Столыпина, ни тем более точного плана действий. Почти никто не обратил внимание на такой факт: 10 марта газета «Новое время» вместе с сообщением о том, что шансы П. А. Столыпина остаться сильно выросли, опубликовала также заметку о спешном проведении расследования о составе депутатации земских комитетов, представлявших царя в январе 1911 г. Клеркета В. Ф. Трепова, естественно, не подтвердились. То есть и повод для отставки премьера исчез. Не потому ли 9 марта вечером Николай II пишет П. А. Столыпину письмо, а 10 марта идет на беспрецедентные уступки ему, — царь чувствует свою вину. Но к 1911 г. недовольство самодержца своим премьером выросло настолько, что он уже не скрывал его. Именно такая позиция Николая II и спровоцировала правительственный кризис, а его плохая подготовка привела к провалу заговорщиков.

П. А. Столыпин одержал верх, но это была пиррова победа. Он навязал Николаю II свои решения, чего царь не прощал. Действия премьера в ходе кризиса не одобрило большинство его коллег по кабинету**. Расследованием палат на три дня он поссорился с Думой и со своей главной опорой там — октябристами. Еще до этого фракция с удовлетворением встретила перспективу отставки премьера, полагая, что П. А. Столыпин сыграл свою роль, ему нужно уходить***. 11 марта они уже собирали подписи депутатов под законодательной инициативой о введении земства в западных губерниях. Поддержавших оказалось больше, чем обычный октябристский кворум. Самое ценное для инициаторов было то, что одним из них стал А. А. Бобринский, председатель Совета объединенного дворянства****. И можно уверенно утверждать, что этот законопроект в день выборов был бы принят нижней палатой. Поэтому распуск народного представительства 12 марта на три дня стал полной неожиданностью для депутатов. Большинство фракций, признавая правомерный характер действий премьера, тем не менее полагали, что это

* См.: Информационный бюллетень Государственной думы. № 137. 16 марта 1911 г. // Нестор. 2005. № 7. Технология власти. С. 130.

** Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 34.

*** Информационный бюллетень Государственной думы. № 113. 7 марта 1911 г. // Нестор. 2005. № 7. Технология власти. С. 120.

**** Там же. № 117. 11 марта 1911 г. // Нестор. 2005. № 7. Технология власти. С. 121.

его поражение и что П. А. Столыпин превратился во временщика*. А. И. Гучков в знак протesta 14 марта оставил место председателя Думы, в рядах октябристов произошел раскол. Сторонники бывшего председателя Думы встали в оппозицию премьеру, и его опорой осталась лишь часть (правда, самая значительная) самой большой когда-то фракции, а также националисты. Негативное отношение к действиям премьера было продемонстрировано Думой в 4 запросах главе правительства о законности использования статьи 87-й Основных законов для проведения закона о западном земстве. Только 27 апреля 1911 г. П. А. Столыпин решился ответить Думе, что, по его мнению, проведение закона о западном земстве чрезвычайным способом только укрепило авторитет палаты. Депутатов такое объяснение не устроило, и в формуле перехода, принятой 203 голосами против 82, они заявили, что действия кабинета были незаконными, а объяснения премьера — неудовлетворительными. Перспективы дальнейшего сотрудничества главы правительства и палаты хотя и не казались невозможными, но выглядели все-таки туманно. Однако настоящие проблемы поджидали П. А. Столыпина с совсем другой, неожиданной для него стороны.

П. А. Столыпин и Г. Е. Распутин

Хорошо известно письмо Николая II к П. А. Столыпину 16 октября 1906 г. с рекомендацией принять Г. Е. Распутина, чтобы тот благословил раненую при взрыве дачи на Алтекарском острове 12 августа 1906 г. дочь Наталью. Впервые текст царского письма привела старшая дочь П. А. Столыпина Мария в первой версии своих мемуаров об отце, опубликованных в парижской газете «Возрождение» в 1935–1936 гг.** Показательно, что это письмо позднее было изъято из книжной версии мемуаров. П. А. Столыпин послушался совета, принял «старца» и показал ему дочь. Но на них Г. Е. Распутин не произвел благоприятного впечатления, поэтому первый визит, со слов дочери, оказался последним. Однако иеромонах Илиодор, одно время бывший другом Г. Е. Распутина, в своей скандальной книге «Святой черт» утверждает, приписывая эти слова «старцу», что он горько сетовал на П. А. Столыпина: «Друг был, писал телеграммы, спрашивал, поздравлял, вызывал меня

* См.: Там же. № 119. 12 марта 1911 г. // Нестор. 2005. № 7. Технология власти. С. 122–123.

** См.: Бок М. Жизнь П. А. Столыпина. Воспоминание об отце // Возрождение. 1936. 2 января. № 3865.

в Питер, а потом бесу начал служить...»*. Так это было или не так, установить сложно.

Вновь со «старцем» П. А. Столыпин столкнулся спустя два года при совершенно иных обстоятельствах. С весны 1908 г. иеромонах Илиодор, ставший другом Г. Е. Распутина, начал произносить в Царицыне зажигательные проповеди против интеллигенции и бюрократии, целя как в местную, так и центральную администрацию. Саратовский губернатор С. С. Татищев просил главу епархии епископа Гермогена удалить Илиодора из Царицына, но тщетно. Обиженный губернатор пожаловался П. А. Столыпину и подал в отставку**. Поведение иерарха задевало и самолюбие главы правительства, который одновременно возглавлял МВД: в сферу его исключительной компетенции вмешивались посторонние. П. А. Столыпин удержал губернатора от отставки, обещав удалить Илиодора из Царицына. Но неожиданно для себя не сумел это сделать: по сведениям Илиодора, сначала царь согласился, но затем Г. Е. Распутин заставил его взять свое слово назад. Единственное, чего удалось добиться премьеру, это выражение высочайшего неудовольствия поведением Илиодора, которое было сообщено Синоду — и все***. Естественно, С. С. Татищев не был уволен. Синод же спустил все дело на тормозах, предписав тому же Гермогену «иметь особливое за деятельностью иеромонаха Илиодора» наблюдение — своего прителя****.

История с Илиодором явилась серьезным ударом по авторитету П. А. Столыпина. Разумеется, он установил, кто «отменил» его решение и начал с ним борьбу. За Г. Е. Распутиным было установлено наблюдение, информация о нем постоянно докладывалась П. А. Столыпину как министру внутренних дел. Он, свою очередь, несколько раз говорил с Николаем II, пытаясь довести до его сведения весьма грязные подробности о «старце» и доказывая таким образом, что контакты с ним порочат царскую семью.

Попытки покончить с г. Е. Распутиным в «эпоху Столыпина» хорошо известны, о них неоднократно упоминалось в литературе (А. И. Гучков, М. В. Родзянко, митрополит Антоний и др.). Как будто все они (или по крайней мере большинство) носили сепаратный характер,

* Илиодор. Святой черт. М., 1917. С. 27.

** См.: С. С. Татищев — П. А. Столыпину 14 сентября 1908 г. (копия) // ГАРФ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 2.

*** См.: П. А. Столыпин — В. Н. Коковцову 7 апреля 1909 г. и ответ последнего 10 апреля // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 44. Л. 2, 3.

**** С. М. Лукьянов — В. Н. Коковцову 15 апреля 1909 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 44. Л. 7.

разоблачители действовали независимо друг от друга. П. А. Столыпин же, по крайней мере со второй половины 1910 г., нашел себе влиятельного союзника в этой борьбе — великую княгиню Елизавету Федоровну. В августе-октябре 1910 г. она трижды встречалась с премьером, и они сошлись на понимании большого вреда от «старца». Вдова Сергея Александровича и старшая сестра Александры Федоровны была крайне возмущена допуском в царскую семью «грязного мужика». Несмотря на то что отношения между сестрами нельзя назвать близкими и хорошими, некоторое влияние на императрицу она все-таки имела. П. А. Столыпин, в свою очередь, жаловался ей на безуспешность неоднократных разговоров с Николаем II против Г. Е. Распутина. Возможно, в связи с делом Илиодора премьер утвердился также в недопустимости участия духовенства в политике, с чем Елизавета Федоровна была полностью согласна. 25 октября 1910 г. П. А. Столыпин пообещал ей еще раз говорить с Николаем II о вреде Г. Е. Распутина. К сожалению, все усилия оказались напрасны. 11 декабря 1910 г. она получила письмо от П. А. Столыпина: «Он говорил с государем, но, видимо, неудачно. Ему запрещено следить за Распутиным, и в безнравственность Распутина не верят»*. Не помогла и личная встреча Столыпина и Распутина в начале 1911 г., о которой рассказал в своих мемуарах М. В. Родзянко. Мемуаристка В. С. Гордеева позднее, 24 января 1911 г., резюмировала: «Мне кажется, фонды Столыпина в Царском совсем упали после его выпадов против Распутина»**.

Сложилась ситуация, с которой Столыпин еще не сталкивался: его tandem с Елизаветой Федоровной оказался бессильным против «старца». Премьер явно не понимал, в чем тут дело и как следует бороться с Распутиным. Проблема состояла в том, что Николай воспринимал намерение Столыпина удалить «старца» как вмешательство в его личную жизнь и никакие доводы против этого на него не действовали. Отсюда и сильное личное охлаждение к Столыпину.

Убийство П. А. Столыпина

Вечером 1 сентября 1911 г. вокруг киевского городского театра, где давали оперу Н. А. Римского-Корсакова «Иван Сусанин», было

* Гордеева В. С. Мои записки о великой княгине Елизавете Федоровне. Кн. 2. 1910–1913 // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) (РО ИРЛИ). Разряд III. Оп. 1. № 874. С. 61–62. Записки приближенной великой княгини по форме напоминают за эти годы расширенный вариант камер-фурьерского журнала.

** Там же. С. 83.

необычайное оживление. В зрительном зале находилось почти все руководство Российской империи: царь с семьей, председатель Совета министров, многие министры, приехавшие в Киев на открытие памятника царю-освободителю Александру II.

Во втором антракте оперы, когда премьер-министр П. А. Столыпин стоял в проходе, облокотившись на барьер оркестровой ямы, и разговаривал с министром двора бароном В. Б. Фредериком и графом И. Потоцким, к нему быстро подошел молодой человек. Выхватив из кармана браунинг, он дважды выстрелил в премьер-министра. П. А. Столыпин, сохранив полное самообладание, повернулся, перекрестил царскую ложу и медленно опустился в кресло, взятое сказав: «Счастлив умереть за царя». Раненого премьера отвезли в частную медицинскую клинику Маковского. После осмотра оказалось, что одна пуля задела кисть руки, другая же, пробив на груди орден Владимира III степени, изменила направление и попала в печень, раздробив ее. При тогдашнем состоянии медицины смерть раненого была неизбежной. Однако сначала врачи, не имея возможности точно оценить ранение, испытывали осторожный оптимизм. Но через два дня он сменился тревогой. Несмотря на операцию по извлечению пули, проведенную в ночь с 3 на 4 сентября, состояние раненого стало быстро ухудшаться. 5 сентября в 22 часа 10 минут премьер-министр России скончался. 9 сентября его согласно завещанию похоронили в Киеве.

24-летний Дмитрий (по метрике — Мордухай) Богров — помощник присяжного поверенного, выходец из состоятельной еврейской семьи, хорошо известной в Киеве; с конца 1906 г. принимал участие в революционном движении и одновременно являлся агентом охранки.

Персона Д. Г. Богрова была противоречивой. Многое в его поведении трудно понять с позиций житейской логики. Имея импульсивный характер, он не отличался постоянством. О склонности Д. Г. Богрова к политическому радикализму говорят его симпатии еще в гимназические годы социал-демократам, затем, с конца 1906 г., эсерам-максималистам и анархистам-коммунистам.

Очень важно для понимания поступка Д. Г. Богрова то, что он в течение нескольких лет неоднократно говорил своим знакомым о личной ненависти к П. А. Столыпину. Д. Г. Богров видел в П. А. Столыпине главное препятствие на пути революции и поэтому рассматривал его как злейшего личного врага. Трудно сказать, как все это вместе — провокация, участие в революционном движении, явное желание отойти в тень накануне 1911 г. и ненависть к П. А. Столыпину — уживалось в Д. Г. Богрове. Не случайно, что для всех, знавших убийцу, покушение на премьера оказалось большой неожиданностью.

Его сотрудничество с охранкой, выдача ей ряда коллег-революционеров, подозрения его в предательстве — все это создавало сильное напряжение вокруг Д. Г. Богрова. Преступнику не могло быть не ясно, что он основательно запутался, остался один на один с таким количеством проблем, которые ему было уже не под силу решить. Легкого выхода из такой ситуации не имелось, поэтому можно понять, почему Д. Г. Богров решил на отчаянный поступок — террористический акт. Парадоксальная душевная организация Д. Г. Богрова сказалась и здесь: идя на такой шаг, он тем не менее ничем не выказал душевного волнения, действовал исключительно рассудительно (хотя и импульсивно), расчетливо, сохранив полное самообладание.

План убийства премьера был почти импровизацией, можно сказать, разрабатывался спонтанно, за несколько дней до приезда П. А. Столыпина в Киев. Он не был детально продуман, Д. Г. Богров в основном уповал на везение. Террорист явился в охранку и рассказал легенду о том, что к нему приехали два революционера для совершения террористического акта против премьер-министра и что они находятся у него в доме. Удивительно, — но в киевской охранке Д. Г. Богрову поверили на слово. Для того чтобы Д. Г. Богров мог «проследить» за действиями своих гостей, начальник Киевского охранного отделения подполковник Н. Н. Кулябко выдал ему билеты на право посещения Купеческого сада и театра, где должны были присутствовать царь и правительство. Действия Н. Н. Кулябко были грубым нарушением инструкции по работе с агентами. Почему полицейский офицер сделал это, — непонятно.

Поведение Н. Н. Кулябко уже тогда, в 1911 г., послужило основанием для версии, что П. А. Столыпина убила охранка. Но зачем? Сам Н. Н. Кулябко никак не мог быть в этом лично заинтересован. Единственным подозреваемым оказался товарищ (заместитель) П. А. Столыпина по министерству внутренних дел генерал П. Г. Курлов, ведавший полицией, у которого были неприязненные отношения с премьером. Якобы готовилась ревизия деятельности П. Г. Курлова, а он не мог отчитаться в расходовании значительной суммы денег. Но между неприязнью, возможностью денежной ревизии и убийством главы правительства — «дистанция огромного размера». Сторонники этой версии почему-то совершенно не учли два обстоятельства. Первое — мнимые заговорщики не могли не понимать, что при удачном исходе их мифического замысла расследование убийства П. А. Столыпина прежде всего охватит и их деятельность, не исключая и того, что их обвинят как минимум в ненадлежащей организации охраны. И дело не ограничилось бы просто ревизией, а обернулось бы на-

стоящим расследованием (что, кстати, и произошло). Следствие, проведенное по распоряжению царя сенатором М. И. Трусевичем для выяснения роли охранки в тех событиях, не нашло убедительных фактов, подтверждающих заговор, ограничившись обвинением в волюнтарии непрофессионализме. Надо сказать, что М. И. Трусевич и начал свое расследование именно с вопроса о причастности чинов охранки к убийству. Второе соображение — у этих людей не было и не могло быть никаких гарантий того, что Д. Г. Богров будет стрелять именно в П. А. Столыпина. Тогда затея теряла всякий смысл. А если бы он стрелял в самого царя? Что стало бы тогда с «заговорщиками»? Поэтому нет никаких серьезных оснований говорить о заговоре охранки против П. А. Столыпина.

Нет оснований говорить и о хорошо подготовленном революционерами террористическом акте. Замысел Д. Г. Богрова мог рухнуть в любой момент: начальник Киевского охранного отделения Н. Н. Кулябко мог не нарушать инструкцию обращения с агентами и не выдавать Д. Г. Богрову билет в театр, Столыпин мог воспользоваться приглашением киевского губернатора А. Ф. Гирса и занять место в ложе, наконец, в антракте премьер-министр мог встать не так удобно для убийцы, кроме того, кто-нибудь из охранников премьера мог оказаться на месте. В конце концов, даже выстрел Д. Г. Богрова оказался роковым в том смысле, что пуля исключительно неудачно изменила направление, пробив орден Владимира... Такое стечеие обстоятельств не могло быть результатом никакого заговора. Ну и конечно, огромная вина в убийстве П. А. Столыпина лежит на начальнике Киевского охранного отделения подполковнике Н. Н. Кулябко, а также на начальнике дворцовой охраны полковнике А. И. Спиридовиче. Именно их волюнтарий непрофессионализм создал несколько исключительно важных предпосылок для смерти П. А. Столыпина. Справедливое заключение прозвучало уже в публицистике начала XX в.: П. А. Столыпин пал жертвой системы полицейской провокации. Она не была создана им, но, по иронии судьбы, он являлся ее покровителем и в общем отношении — главой.

Роль П. А. Столыпина в истории России начала XX в.

К сожалению, большинство столыпинских преобразований не было реализовано. Это отметили уже современники (см. книгу А. С. Изгоева, подготовившего целый свод из того, что обещалось и что было сделано). Даже аграрная реформа оказалась не доведена до конца. Сам П. А. Столыпин в 1909 г. говорил, что для преобразования деревенской России необходимо минимум 20 лет. Современ-

ные историки еще менее оптимистичны в этом вопросе — минимум 50–80, а то и 100 лет необходимо было для перехода от общины к преобладающему фермерскому хозяйству.

Несмотря на то что на столыпинскую аграрную реформу история отвела всего десятилетие (преобразования практически свернулись в 1916 г., а Февральская революция 1917 г. дала старт совсем иным процессам), некоторые ее итоги все-таки можно подвести. Результаты реформы оказались неоднозначны. К 1 мая 1916 г. общину покинуло около 28 % крестьянских хозяйств, а с учетом желавших выйти эта цифра превышала 3 млн дворов (из 11 млн). Даже несмотря на снижение темпов выхода с 1910 г. и на то, что часть из них произошла под давлением власти, такой результат нельзя не признать впечатляющим.

Однако из 1,5 млн хозяйств, выделивших свои наделы к одному месту, на создание хуторов решились только 200 тыс., а 1,2 млн крестьян полностью или частично продали свою землю. Таким образом, конечная цель реформы оказалась недостигнутой. Причины этого крылись как в консервативности крестьянской психологии, так и в просчетах власти при осуществлении реформы: недостатке средств, нехватке землеустроителей, отсутствии достаточных и доступных кредитов (всего ссуд было выдано на 65 млн руб.— чуть более 10 % необходимого), дефицит источников воды в ряде мест и т. п. Таким образом, главным результатом реформы стало введение в товарооборот большого количества крестьянских надельных земель и возможность для их бывших хозяев искать счастья в других занятиях.

Помимо чисто материальных проблем, правительство столкнулось с трудностью отказа от традиционного уклада жизни в деревне. Надо признать, что обвинения Столыпина в разрушении общины в значительной части беспочвены. По приблизительным подсчетам Б. Н. Миронова, к 1906 г., еще до начала реформы, треть крестьян, не проводивших переделы, уже сделала шаг «в сторону личной собственности на землю», а к 1917 г. уже около 56 % землевладельцев в той или иной степени порвали с общиной, будучи неудовлетворенными господствующими в миру порядками. Процесс разложения общины являлся объективным, власть при П. А. Столыпине способствовала ему, а не тормозила, как это делалось на протяжении предшествующих десятилетий. Однако местные власти нередко перегибали палку. Восприняв реформу как очередную правительственную кампанию, они во многих случаях силой побуждали крестьян к выходу из общины, надеясь отчитаться в скорых результатах. Между тем, несмотря на свою архаичность, община далеко не везде была тормозом в раз-

витии сельского хозяйства. Например, на всем русском Севере, где земельный голод не ощущался остро, случаи выхода из общины были нечасты, а крестьянские общества сами переходили к интенсификации хозяйства. Попытки сломать такие сельские миры вызывали только сопротивление, нагнетая обстановку в деревне.

До сих пор неясно, как реформа сказалась на уровне жизни деревни. Статистика рисует противоречивую картину: с одной стороны, наблюдалось абсолютное сокращение числа многолошадных хозяйств (обеспеченность рабочим скотом — важный показатель достатка). Но, с другой, — начался быстрый рост кооперации, в деревне появились сельскохозяйственные машины и т. п. В целом благосостояние деревни увеличивалось, но, возможно, что главными причинами этого стали несколько урожайных лет и одновременный подъем мировых цен на зерно. По-видимому, столыпинская реформа затормозила процесс обнищания деревни, но вряд ли можно сказать, что она повернула его вспять. Эта реформа была попыткой решить в несколько лет то, что копилось в русской деревне десятилетиями.

Некоторые итоги экономического развития России при П. А. Столыпине были подведены вскоре после его ухода из жизни французским автором Эдмоном Тэри, которого они весьма впечатлили.

Население России (по оценочным данным) выросло с 1902 г. — 139,3 млн к 1912 г. до 171 млн человек. Ежегодный прирост населения увеличился по сравнению с 2,5 млн в год в 1898—1908 гг. до 3,2 млн в 1908—1912 гг.

Производство зерна за столыпинское пятилетие (1908—1912) поднялось по сравнению с рубежом веков (1898—1902) на 22,5 % (это все зерновые), только пшеницы — на 37,5 %. Но средняя урожайность зерновых (за исключением ржи) оставалась в 2 раза ниже, чем во Франции.

Производство каменного угля за 1908—1911 гг. расширилось с 25,6 до 28,4 млн тонн, чугуна с 1908 по 1911 г. — с 171 до 219 млн пудов, железного и стального проката — с 145,4 млн пудов до 202,7 млн пудов.

Импорт сельскохозяйственной техники вырос с 1906 г. (20,7 млн руб.) до 57 млн руб. в 1911 г. Ее производство в России увеличилось за эти же годы в 3 раза (до 61,5 млн руб.).

С 1905 по 1912 г. более чем удвоилось число кредитных учреждений (с 6,8 до 15,5 тыс.; имеются в виду учреждения мелкого кредита вроде касс и кредитных обществ), их участников стало в несколько раз больше (с 2,35 до 8 млн человек), а оборот поднялся с 112,5 до 580 млн руб. Из 5,8 млн десятин, поступивших в Крестьянский банк в 1906—1911 гг.,

банк продал 3,7 млн (63 % всех поступивших). Покупатели — в основном частные владельцы (более 2,2 млн десятин). Государственный долг России с 1910 г. уменьшался (к 1911 г. сократилась на 100 млн руб. по номиналу, до 8,94 млрд. руб.). Появились опять свободные средства казначейства (в 1908 г. их не было, в 1911 г. — 333 млн руб.). В общем можно говорить об успешном, хотя и небеспроблемном, экономическом росте России при П. А. Столыпине*.

Сложнее дело обстояло в политической сфере. С именем П. А. Столыпина, как правило, связывают третьеиюньскую политическую систему — государственный строй, основанный на взаимодействии правительства и умеренной Думы, нацеливавший обе стороны на проведение преобразований в духе манифеста 17 октября 1905 г. Однако продержалось это взаимодействие недолго. Уже в 1909 г. на альянс Дума-правительство пошло сильное давление справа, заставившее П. А. Столыпина значительно корректировать реформы, а часть из них просто свернуть.

Судьба нереализованных законопроектов правительства П. А. Столыпина показывает, что сопротивление им оказывалось как минимум на пяти рубежах. Несмотря на то что премьер одновременно был министром, даже внутри подчиненного ему ведомства не всегда удавалось получить поддержку, например от Совета по делам местного хозяйства. Совет министров также не каждый раз разделял точку зрения своего главы. Перед внесением законопроекта в Думу надо было получить согласие Николая II, которое он давал не во всех случаях. Дума обязательно вносила корректизы в правительственные проекты, которые лишь иногда казались исполнительной власти полезными. Государственный совет, где правые играли видную роль, часто не соглашался с реформами. Наконец, сам царь изредка, но был готов сыграть роль последнего барьера, не подписав законопроект. При такой системе фильтров успешное прохождение законопроектов, особенно важных, нельзя назвать правилом. Конструкция законотворческого процесса показывает, что, несмотря на усилия всех участников законотворческой деятельности, главную роль в ней играл царь: в третьеиюньской системе он давал старт законопроекту в законодательной палате (утверждал Особый журнал Совета министров) и подписывал его на выходе. То есть император контролировал две главные точки всего процесса. Есть много причин представить Николая II ключевой фигурой в проведении реформ, несмотря на то что в традиции они связываются с именем П. А. Столыпина.

* См.: Тэри Э. Россия в 1914 г. Экономический обзор. Paris, 1986. С. 5–6, 8–9, 31, 36–37, 153, 156.

Третьюионьская система ушла вместе с П. А. Столыпиным. Конец ей как реформаторской конструкции, по сути, положил царь, объяснив новому премьеру В. Н. Коковцову в конце 1911 г.: «Отношение Ваше к Думе спокойно-внепартийное, единственно правильное, по моему мнению. Оно уже оказывает свое благотворное влияние на внутренний жизни страны* в смысле успокоения вообще и уменьшения политиканства и интереса к нему в частности» **. Помимо косвенного упрека вслед ушедшему П. А. Столыпину император, по сути, сообщил, что не считает необходимым создание проправительственного большинства в Думе, а следовательно, и продолжение преобразований. Наследие самого выдающегося государственного деятеля России начала XX в. оказалось невостребованным. Дальнейшие события (1917 г. и позже) раскололи общество: проигравшие вспоминали о покойном премьеере с ностальгией, победители — с плохо скрываемой ненавистью. Понадобилось время, чтобы осознать: П. А. Столыпин, невзирая на всю разницу в оценках его деятельности, вошел в историю как самый удачный политик начала XX в. Российской империи. И не его вина, что большинство усилий главы правительства вскоре пошло прахом.

* Так в оригинале.

** Николай II — В. Н. Коковцову 18 ноября 1911 г. // РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 11. Л. 6.